

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

# НОЧНОЙ ПОЕЗД



ЭМИЛИ БАПП

## Annotation

Скучающая в провинции замужняя красавица завела роман с симпатичным попутчиком в поезде, сбежала с ним, а потом, после какой-то ссоры, убила?

Такова версия полиции, расследующей дело об исчезновении Лары Финч и гибели ее бойфренда Гая.

И только тихая, скромная Айрис, подруга Лары, уверена: полиция ошибается. Лара не преступница, а жертва преступления. Не зря она все время кого-то боялась, жила в постоянной тревоге, как будто оглядываясь через плечо и готовясь к бегству...

Но как помочь Ларе, пока не стало слишком поздно? С несвойственной ей отвагой Айрис начинает поиски и шаг за шагом продвигается по следу старых грехов и темных, опасных секретов...

---

# Эмили Барр

## Ночной поезд

Emily Barr

THE SLEEPER

Печатается с разрешения литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

© Emily Barr, 2013

© Перевод. Н.А. Кудашева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Она должна была вернуться два часа назад.

Человек не может исчезнуть из поезда посреди ночи, но, судя по всему, она исчезла. Насколько нам известно, она села в поезд на вокзале Паддингтон, но не сошла с поезда в Труро<sup>[1]</sup>.

– Я уверена, что с ней все в порядке, – сказала я ему.

Мои слова прозвучали банально и неправдоподобно. Я пыталась найти подходящее объяснение произошедшему. Если сбросить со счетов амнезию и лунатизм, вариантов оставалось только два, и ни один из них не утешил бы ее мужа.

– Надеюсь, что так.

Лицо у него было помятое, а глаза словно прятались от меня под слегка распухшими веками. Каким-то образом его лицо казалось одновременно красным и посеревшим, будто неумело слепленным из разных фрагментов.

Я понятия не имела, что делать, и потому вернулась к приготовлению кофе. Он смотрел на свой телефон, вновь и вновь проверяя эсэмэски, как будто они могли прийти незамеченными, хотя он только что до предела увеличил громкость мобильного и даже позвонил на него с городского телефона, дабы удостовериться, что тот работает.

– Следующая электричка через семь минут, – сообщил он.

Я поставила кофеварку на конфорку и включила газ. Поискала в буфете что-то легкое, чем он мог бы подкрепиться.

Мне было странно хозяйничать на кухне у совершенно чужого человека, да еще в такой момент, когда у него, по-видимому, вся жизнь пошла под откос. Он уже почти сорвался с утеса, из последних сил цепляясь пальцами за хлипкий пучок травы.

Я положила на тарелку несколько печений с ванильно-кремовой прослойкой.

Вид из окна открывался впечатляющий, но мы оба смотрели лишь на маленькую станцию прямо перед домом. Как только скрип тормозов возвестил о прибытии поезда, мужчина был уже на ногах, прижимал ладони к стеклу огромного окна и вглядывался вперед. Он бы простил жене все, появись она в этот момент из-за хвоста поезда, везя за собой маленький чемодан (я была уверена, что у нее маленький чемодан на колесиках). Ему было бы наплевать, где она была, что делала и с кем.

Утро выдалось холодным и ясным, но сейчас по небу быстро плыли облака. Они скапливались над нами, поджидая своего момента; свет вдруг изменился, и, хотя было все еще утро, резко стемнело, как в сумерках.

Мы оба в напряжении ждали, когда короткий, всего в два вагона, поезд остановится у платформы и исторгнет своих немногочисленных пассажиров. Большинство людей уже сошли с поезда в Фалмуте, на предыдущей остановке.

Сердце у меня глухо застучало, когда в конце платформы показались четверо пассажиров. Первая пара – седовласая, в походной одежде, с рюкзаками на спине и крепкими посохами в руках, – решительно направилась через парковку. Я была уверена, что они держат путь к туристической тропе вдоль прибрежной линии. Укутанный в толстую куртку, шарф и

шерстяную шапку, молодой человек со скейтбордом под мышкой прошагал вслед за ними. Последней шла женщина.

Она была подходящего возраста, но выглядела маленькой и нерешительной. Мы наблюдали, как она оглянулась и встала на краю автостоянки, словно чего-то ожидая. На плече у нее висела сумка. Мы смотрели на нее во все глаза, пока к ней не подъехала машина. Тогда женщина с облегчением улыбнулась и, открыв заднюю дверь, закинула туда свою сумку, а сама уселась на переднее сиденье.

Это была не она. Конечно, нет. Я уже больше не надеялась.

По окну застучал мокрый снег.

— Мы должны позвонить в полицию, — сказала я.

Он притворился, что не слышал.



Он стоял рядом со мной на балконе, протягивая зеленую кружку, которую его отвратительная мать подарила мне на Рождество. Под нами к станции подъехал поезд, состоявший из двух вагонов – более длинному этой платформы не хватит.

– Одна чашка чаю, – сказал он с шутливой церемонностью, и я едва не передернулась от отвращения. – Надеюсь, это встретит одобрение мадам.

Одобрения это у меня не встретило, но я не могла, конечно, об этом заявить. Я взяла кружку обеими руками, стараясь придать лицу правильное выражение. Он знает, какие кружки я люблю, и знает, что эта определенно к ним не относится. Я не могла признаться в том, что меня заботят подобные пустяки. Он бы широко раскрыл глаза и изобразил на лице приличествующее удивление.

– Спасибо, – отозвалась я.

Мы облокотились на перила, задев друг друга локтями, и стали смотреть на город. Солнечный свет падал на поезд, на доки позади станции, на изгибающийся за ними город, обнимавший гавань. Свет отражался от воды, и крохотные ослепительные блики двигались взад-вперед вместе с волнами. По ту сторону устья реки деревья, поля и особняки Флашинга<sup>[2]</sup> рдели на жаре, необычной даже для августа. На крыше одного из пакгаузов у причала выстроились в ряд чайки и загорали на свой птичий манер. Чрезмерное, почти неприятное тепло на моей коже, соль в воздухе, которую я обычно не замечаю, размытое отражение солнца на воде – все это вдруг напомнило мне давно забытые детские каникулы.

– Похоже на картинку из детской книжки, правда? – произнесла я. – Станция. Контейнеровозы. Военные корабли. Парусные яхты. Легковые автомобили. Грузовики. Под ней должен быть текст. – Я показала, где именно под станционной парковкой должно быть написано: «Сколько разных видов транспорта ты видишь?»

Он таращился на меня, а не на указанные мною предметы, поэтому я повернула к нему голову.

– Да, – отозвался он. – И вон те загребущие штуковины. – Он указал на оборудование в доках. – И громадные металлические штуки, которые поднимают вверх всякую всячину. Это золотое дно для книжек с картинками.

Я протянула руку и дотронулась до его предплечья. Волоски на его руке пружинистые и светлые. Даже этот невинный обмен репликами подвел нас слишком близко к теме, которой я старалась избегать, просто потому, что она себя исчерпала. Я сделала глоток чаю (оказавшегося вдвое крепче необходимого) и сменила предмет разговора, указав на дома вдали слева:

– И вон там. Сколько разных человеческих жизней отсюда видно? Тысячи домашних очагов. Все эти окна. Все, что происходит за ними. Держу пари, там куда больше интересных событий, чем можно себе представить.

Он, прищурившись, посмотрел на дома.

– Чем могу представить я или любой другой?

– Любой, – уточнила я, пожалуй, неестественно поспешно.

Сэм взял свою чашку с чаем в другую руку и обнял меня за плечи. Я крепко прижалась к нему. Он большой, как медведь, широкий, но не жирный. Это в нем мне всегда нравилось. Пусть мне претит быть женщиной, нуждающейся в заботе большого сильного мужчины, я все же наслаждаюсь его массивностью.

— Ты помнишь, что сегодня приезжает моя приятельница? — спросила я. — Та, с которой я познакомилась на пароме.

— О да. Ты говорила. Как ты сказала, ее зовут?

— Айрис.

— Ну да. Айрис.

Он этого не одобрял. Ему не нравилось, что кто-то еще входит в нашу жизнь. У нас, в общем-то, нет друзей. Я пригласила Айрис именно потому, что хочу это изменить.

— Но мы вроде бы в первый раз за долгое время решили расслабиться, — произнес он. В его голосе сквозила нервозность. — Ты ведь знаешь. Приятно отвлечься от постоянных серьезных разговоров. Мы построили планы, а судьба рассмеялась нам в лицо. — Я приготовилась выслушать тираду о том, что ничто не происходит без причины. — Ничто не происходит без причины, — продолжил Сэм. — И я думаю, все это случилось для того, чтобы сблизить нас, и еще потому, что, возможно, где-то там, в Китае, живет ребенок. Или в Гималаях, как ты всегда говоришь. Ребенок, который в нас нуждается. Вот что предначертано, я уверен.

— Ты только что превратил непринужденную беседу в серьезный разговор.

— О! Прости.

Я глубоко вздохнула:

— Ничего страшного.

Он произносил эту маленькую речь уже сотни раз и, вероятно, был прав. Возможно, бесплодие и все прочее обусловлено какой-нибудь необъяснимой причиной. Быть может, и есть некий ребенок на горном склоне в Непале, которому судьбой предназначено стать нашим. Но мы не в состоянии позволить себе сесть в самолет, чтобы отправиться туда и это выяснить. Даже «Виза», международная платежная система, которая ссужает деньгами всех подряд, отказывается субсидировать наши дальнейшие приключения.

Сэм прав: я всегда толкую о Гималаях. Я всегда стремилась туда поехать — снять домик на горном склоне и жить долгие месяцы на свежем бодрящем воздухе, гулять, смотреть и просто существовать. Я бы сделала это хоть завтра; но даже тогда, когда у нас денег было больше, чем мы успевали тратить, я так туда и не поехала, потому что моему мужу это пришлось бы не по вкусу. Он всегда отговаривал меня в пользу того, что он называл «приличным отпуском».

Возможно, мой малыш и в самом деле ждет меня там, но я не могу попасть к нему. Мысль об этом приводит меня в ярость.

— Я люблю тебя, — проронил Сэм. — Пусть у нас нет денег и никакой ребенок нам не светит, но я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — поспешно заверила его я.

— Лара.

Мы прижались друг к другу, чувствуя солнце на наших голых руках и на макушках, и продолжили глазеть на открывающийся перед нами вид и пить свой чай. Больше говорить было не о чем.



Мне хотелось пронзительно кричать, и порой я это делала. Время от времени я кричала изо всех сил, но только не тогда, когда Сэм дома. Когда он где-нибудь поблизости, я загоняю тревогу глубоко внутрь. Я не могла сказать ему что-либо даже близкое к правде, и потому, полагаю, он видит наш брак совсем не таким, какой он на самом деле. Сэм думает, что мы крепко любим друг друга, что мы побиты жизнью, но оптимистичны, готовы отправиться в новое путешествие – пусть непредвиденное, но от этого его цель становится лишь чудеснее. Муж уверен, что мы всегда будем вместе, здесь, в Корнуолле, за сотни миль от двух наших трудных семей. Он считает, что мы единое целое.

Я же предпочла бы развестись. Но сказать об этом никак нельзя. Втайне я радовалась, что нам не удалось родить ребенка. Вот только сердце моего мужа разбилось бы, услышь он об этом. В нашей совместной жизни не произошло ничего особенного: никто из нас не совершил супружеской измены, муж меня ни разу ничем не обидел, пусть он и невероятно раздражает меня своей угодливостью. Я догадывалась, что выхожу не за того человека, так что сама виновата и теперь нахожусь в тупике.

Интересно, что бы сказал Сэм, узнав, что я постоянно держу в голове план побега и что у меня всегда наготове упакованный чемодан, чтобы в любой момент отправиться в путь. Хотя и сбежать я хочу не от него, а от нашей жизни.

Я убедила себя, что малыш решит все наши проблемы, дав мне новый фокус и объект для любви. На самом деле я знала, что в жизни так не бывает. Ребенку повезло, что он так и не родился.

Полчаса спустя я громко рассмеялась, осознав, что выгляжу как самая безропотная домохозяйка в мире: я, одетая в фартук с оборками, вынула из духовки две половинки кекса с помощью специальных перчаток-прихваток с цветочным узором – дешевое подражание продукции дизайнера Кэт Кидстон. Я чувствую себя незванным гостем, вторгшимся в чужую жизнь. Я существо из научно-фантастического романа, облачившееся в земное тело, чтобы замаскировать свою истинную сущность. Внутри находится некто, кого Сэм едва ли знает. Это внутреннее существо уродливое и злобное, холодное, разочарованное и глумливое. Я старалась его прятать, потому что Сэм не заслуживает того, что неминуемо начнется, если оно сорвется с цепи.

Правда в том, что я не любила своего мужа. Совсем не любила. В удачное время он мне нравился. Я видела, что он гораздо лучше меня как человек, и это лишь усиливало мою неприязнь. Каким-то образом это также мешало мне его бросить. Я терпеть не могла чай, который он готовит: это просто теплое, водянистое молоко, приобретшее бежевый оттенок от кратчайшего флирта с чайным пакетиком. Когда я его пила, я внутренне передергивалась. Но я вливала его в себя, потому что после пяти лет попыток заставить мужа готовить чай так, как я люблю, сдалась.

Когда он назвал подъемный кран «железной штукой, которая все поднимает» с «хваталкой» на конце, мне захотелось с криком броситься обратно в Лондон. Я замужем за человеком, который называет зарядное устройство для телефона «втыкалкой», а пульт от телевизора – «штукой с кнопками для телика». Привычка, которая прежде казалась почти очаровательной, теперь выглядела настолько неестественной, что я была готова его убить. Приходилось вновь и вновь стискивать зубы, чтобы не выпалить лишнего.

В течение нескольких лет я предлагала в качестве отпуска горный туризм в Непале, однако Сэм, зная, что я хочу этого больше всего на свете, постоянно находил причины для

отказа: ипохондрический синдром в виде больного колена, отвращение к высоте, недостаточная продолжительность отпуска для того, чтобы этот поход имел смысл. Он всегда подталкивал меня к пляжному отдыху: на Канарские острова или во Францию, хотя пляжи есть и у нас, а все они одинаково скучны. Мне нужны горы.

Две половинки кекса превосходно пропеклись. Это потому, что когда мы переехали из Лондона в Корнуолл, у нас еще были деньги и мы купили первоклассную плитку марки «Смег». Мы понятия не имели, что вскоре спустим все наши сбережения на три бесплодных попытки экстракорпорального оплодотворения. Знай мы это, я бы обошлась плитой на несколько тысяч фунтов дешевле, которая тоже прекрасно меня бы устраивала, разве что коржи выходили бы чуть менее упругими.

Ни одному из нас никогда не приходило в голову, что природа может не согласиться с нашими планами. Мы казались себе успешными и замечательными сверхлюдьми, которым все подвластно. Мы были лондонскими профессионалами, переехавшими в маленький домик над фалмутскими доками, чтобы построить семью и завести детей. Сэм хотел, чтобы у нас была девочка, вслед за ней мальчик, а затем – третий ребенок (уже без гендерных предпочтений). Они бы были светловолосыми и пышущими здоровьем, учились бы плавать на маленьких парусных лодках и играли в английскую лапту на пляже.

Я поместила кексы на проволочную решетку для охлаждения и положила формы для выпечки в мойку отмокать. В домашних делах я сильна. Никто, наблюдая меня, никогда бы не заподозрил, какое чудовище во мне скрывается. Искусно замаскированному злобному инопланетянину очень одиноко.

У Айрис есть бойфренд, в отношении которого она тоже испытывает двойственные чувства. Именно это и привлекло меня к ней. Уверена, мы увидели друг в друге родственные души. Вот почему я испекла ей эти кексы.

Порой мне жаль, что я не люблю мужа, но если бы любила, не была бы собой. Пожалуй, для меня более естественно жить во лжи и, собравшись с духом, стараться поступать правильно, чем быть той жеманной домохозяйкой, которая нужна Сэму.

Убрав на кухне и увидев с балкона, что он подстригает в саду траву, я побежала проверить электронную почту. В очередной раз единственная связь с внешним миром осуществлялась через моего верного, проверенного друга.

Я села и начала печатать. Сердце колотилось так сильно, что вибрации ощущались во всем теле.

«Леон, есть новости? Л.»

Затем я отправила это письмо и удалила его из папки отправленных сообщений. Сэм никогда не стал бы просматривать мою электронную почту, но я предпочитала себя обезопасить.

Звонок у двери раздался ровно в половине четвертого. Открыв дверь, я увидела Айрис и широко улыбнулась, внезапно ощутив прилив счастья. Если я в ближайшее время с кем-нибудь как следует не поговорю, то, возможно, убью мужа, когда он уснет.

На ней была коротенькая пышная юбочка, обнажающая ноги, а с руки свисал велосипедный шлем. Волосы у Айрис длинные, густые и спутанные. Они темно-русые, но светлые на концах.

– Ты ехала на велосипеде в этой юбке? – спросила я вместо приветствия.

– Знаешь, я даже не думала об этом. Если кому-то так интересно меня осматривать – на

здоровье. Впрочем, я совершенно уверена, что неинтересно.

– Входи.

В городе я часто видела женщин, этаких эстетствующих школьных мамочек, которые умудряются жить здесь и как-то зарабатывать себе на жизнь в качестве дизайнера, или писателя, или иллюстратора, и я часто думаю, что была бы гораздо счастливее, будь у меня среди них друзья. Мы могли бы сидеть в баре ратуши, прямо у подножья холма, пить коктейли и пино гри и высмеивать наших надоедливых мужей. Вот как живут нормальные люди.

Айрис – мой первый шаг в этом направлении. Она была примерно моего возраста или, возможно, чуть старше. Мне нравилась ее эксцентричность. Я знала, что у нее есть этот бойфренд, который ее раздражает. Я с ним еще не познакомилась, но хотела бы.

Она смотрела на меня с легкой усмешкой в глазах, и мне было интересно, что она видит. Идеальную маленькую домохозяйку-блондинку в хлопковом платье и легинсах, которая ставит на плиту чайник и несет безупречный бисквит «Виктория» на столик у окна в доме с красивым видом? Или же она догадывалась о злобном смертоносном пришельце? Мне хотелось бы спросить.

– Как дела? – спросила я, поскольку другого вопроса на ум не пришло.

– О, прекрасно, – ответила она. – Даже замечательно. На велосипеде хорошо проветриваются мозги. – Айрис запустила пальцы в волосы и дернула колтун.

– Довольно холмисто, да?

Она кивнула:

– В этом-то все и дело. Сначала убиваешься, взбираясь на какой-нибудь подъем, а потом испытываешь восторг, летя вниз во весь дух, и не успела еще затормозить, как уже наполовину влетаешь на следующий холм. Требуется стальных нервов, но оно того стоит. Я много лет не каталась на велосипеде, потому что боялась, а потом, знаешь, подумала: «Твою мать! Велика важность!» Просто однажды села и поехала, и это оказалось здорово.

Я бегло осмотрелась. Сэм был все еще в саду.

– Послушай, я испекла кекс. Университетские годы не прошли даром. Мы можем выпить чашечку чая, или ты предпочтешь бокал «Просекко»? [\[3\]](#)

Я знала, что по выражению моего лица можно было определить, чего хочу я, и, к счастью, Айрис пошла мне навстречу.

– Что ж, «Просекко» было бы чудесно, – сказала она, – если ты не против.

– О, конечно, нет.

– Никто не возражает против езды на велосипеде под градусом. Наверняка есть закон против этого, но, полагаю, навредить в таком случае ты можешь только себе. Полицейским, к счастью, и без того есть чем заняться.

– Твой парень ездит на велосипеде?

Айрис слегка кивнула:

– Ездил. Сейчас уже не так много. Он... э... теперь в некотором роде стал затворником.

Мне захотелось узнать больше, но вместо этого я молча открыла бутылку, издавшую приятный хлопок, и мы уселись за стол. Когда мы с Сэмом купили этот дом, наш будущий семейный дом, здесь царил роскошный старомодный приморский дух, на полах были мягкие ковровые покрытия. Мы тут мало что изменили, потому что мне все нравилось. Тем не менее ковры были сняты, и им на смену пришли лакированные половицы. Пластиковые плитки на

потолке сменила штукатурка. Был выломан ужасный камин (отчасти вопреки моим убеждениям: он выглядел настолько отвратно, что еще немного – и мог бы считаться стильным), а его место заняла железная дровяная печка. Как тюрьма дом прелестен. Приятно было кому-нибудь его показывать.

С появлением детей мы намеревались расшириться, сделать больше спален, и комнату для игр, и шалаш на дереве, и прочие разности. Сэм любил фантазировать насчет липких отпечатков пальцев на окнах; но последние так и остались незапятнанными.

– Восхитительно. – Айрис оценила вид из окна.

– К этому виду невозможно привыкнуть, потому что он каждый день меняется.

– Не сомневаюсь. Если бы я жила здесь, я бы все время пялилась в окно.

– Примерно так я и делаю.

Она рассмеялась, но я говорила серьезно. Мне не удалось найти работу, поэтому целыми днями я смотрела в окно. Всякий раз, когда я пыталась устроиться на какое-нибудь место, мои письма и резюме возвращались с одной и той же формулировкой: «избыточно квалифицирована». Все места в моей области – сфере архитектуры и строительства объектов недвижимости – уже заняты. Я даже подумывала об ASDA<sup>[4]</sup>, но Сэм меня отговорил.

– Как идет корректорская правка? – Я была рада, что не забыла об этом. Мы с Айрис познакомились на пароме до Сент-Моуса<sup>[5]</sup>. Мы лениво поболтали и выяснили, что обе едем туда, подчиняясь мимолетному порыву – просто прокатиться на пароходе. Добравшись до места, мы бродили на резком ветру, от которого даже мои волосы выскакивали из своих шпилек и заколок. Потом мы сидели в маленьком темном пабе на боковой улочке и пили разлитое в бутылки светлое пиво. Все это произошло незапланированно и внезапно – как мне нравится.

– О, прекрасно, – ответила Айрис. – Мне нравится работать на дому. Устанавливать свой собственный график, управлять своей трудовой жизнью. – Поморщившись, она снова засмеялась, и это напомнило мне смех младенца. – Звучит так, будто я предоставляю секс по телефону, верно? Или позирую перед веб-камерой. Я специализируюсь на юридической литературе. И все идет хорошо, спасибо. Мне следовало бы вести дневник. Это был бы самый скучный документ в мире. Каждый день одно и то же.

– Я когда-то вела дневник, – вспомнила я. – Когда моя жизнь была интересной. Хотя невозможно перечитывать свой дневник, верно? Во всяком случае, без раздражения. Но твоя работа, должно быть, все-таки приносит тебя удовлетворение?

– Угу. Иногда. Надо только правильно настроиться. У меня все время включено радио, «Би-би-си-6», так что постоянно играет музыка, а еще – и это ключевой момент – мой парень всегда рядом. Лори тоже работает на дому, так что мне не скучно. Мы оба любим музыку. У нас маленький уютный мир. Кому-то такая жизнь покажется скучной, но меня устраивает.

Я вручила ей бокал «Просекко».

– Будем здоровы, – сказала я.

– Будем, – откликнулась она.

Я сделала глоток. И в тот же миг поняла, что могу однажды пристраститься к алкоголю. С моим ритмом жизни неудивительно завести привычку выпивать каждый день после полудня.

– То есть вы только вдвоем? – спросила я. – Как мы. Только Сэм и я.

– Да. Втягиваешься в свой собственный маленький мирок, правда?

– Ты не находишь, что он становится удушающим?

– Думаю, что в душе я отшельник, а Лори и того больше. Я, он и кошки. Это не для всякого, но нас устраивает. Родись я в другую эпоху, из меня бы вышла отличная монахиня в закрытом ордене или пустынница, живущая в пещере на склоне горы.

– Ты и живешь в своей пещере в Будоке<sup>[6]</sup>.

– Да.

– Но не одна.

– Нет.

– Сколько кошек?

– Только две. – Айрис поймала мой взгляд. – Ты думала, я отвечу «восемнадцать»?

– А вдруг.

– К счастью, до этого не дошло. Дездемона и Офелия. Наши трагические героини. Они не чужды драматизма. Мне этого хватает.

В комнату, тяжело ступая, вошел Сэм.

– Добрый день, дамы. – Его простая белая футболка прилипла к потному телу. Только Сэм станет носить простую белую футболку. Джон Траволта в подобном облачении выглядел хорошо, но на моем муже это кричало о недостатке воображения.

– Сэм. – Я встала и положила руку ему на плечо. Внезапно меня молнией поразило осознание, насколько часто я так к нему прикасаюсь. Знак расположения, но расположения минимального. – Сэм, это Айрис. Айрис, мой муж Сэм.

Он протянул ей руку, чтобы обменяться рукопожатием, но она встала и поцеловала его в щеку.

– Вы познакомились на пароме, – сказал он, – по словам Лары. Вижу, вы пьете эту штуку с пузырьками!

Айрис что-то вежливо ответила, а я отвлеклась на звонок своего мобильного. Его старомодный рингтон вспорол пространство, и я ринулась к нему. Мой телефон редко звонил.

Посмотрев на дисплей, я выбежала на балкон. Мое сердце пустилось вскачь.

– Леон. – Я крепко затворила за собой дверь. Воздух холодный, но бодрящий. – Как поживаешь?

– Лара, – сказал мой крестный отец, человек, который знает меня лучше всех на свете. – Пропустим светскую болтовню. Ты уверена, что хочешь именно этого?

Он все понял. Я почувствовала это по его тону.

– Да. Пожалуйста, Леон. Мне необходимо. Так не может продолжаться.

Я бросила взгляд на Сэма: он нервно отпил вина из моего бокала и отрезал себе огромный кусок кекса. Потом сел, и я буквально ощутила, как он напрягает мозги в поисках вопросов, которые можно было бы задать незнакомой женщине за собственным обеденным столом. Мог бы не так явно возмущаться ее присутствием.

– Тогда у меня кое-что есть для тебя.

– Рассказывай, – бросила я.

Я смотрела на багрянистое облако, заметно продвигающееся в сторону устья реки, а Леон начал свой рассказ, и для меня открылось будущее.

Я повторила это, запершись в ванной.

– У меня есть работа, – говорила я своему отражению. Мне нравился вкус этой фразы. Я не могла до конца постичь скрытый в ней потенциал. Мне было неприятно думать, как отреагирует на это известие Сэм.

Пора ему сказать. Он видел, что я нервничаю. Он понял это еще в тот момент, когда я закончила разговаривать с Леоном, вернулась к столу и одним глотком осушила свой бокал.

– Что случилось, Лара? – все спрашивал он, а я отвечала: «Ничего», сияя широкой улыбкой.

– У меня есть работа, – в очередной раз повторила я своему отражению. Произнося эти слова, мое отражение выглядело мрачно, но в глазах светился новый мир, открывшийся передо мной. Иметь работу – это хорошо. Я заставила себя добавить самое главное: – У меня есть работа, и она в Лондоне.

– Лара?

Я спустила воду в унитазе и подколола парочку выбившихся прядей волос. Айрис ушла домой. Ушла внезапно, когда я шепнула ей, что мне надо кое-что сказать Сэму. Вероятно, подумала, что я беременна. Я улажу это недоразумение позже.

– Иду! – крикнула я.

У меня есть работа, и она в Лондоне. Реальность этого ошеломила.

Я лондонка и сильно тосковала по Лондону. Там я родилась и выросла. Там мы с Сэмом познакомились и прожили три года, прежде чем решили, во внезапном суетливом порыве, что причина нашего бесплодия заключается в том, что мы каждый день проводим по несколько часов в подземке. Мы решили, что виновата скорее окружающая среда, чем мы. Все дело в других людях, толкающих, пихающих, поторапливающих нас в метро. В губной помаде, шопинге, загрязненном воздухе, автобусах, которые, пыхтя, движутся мимо нашей спальни в Баттерси<sup>[7]</sup>, и людях, что сидят на их верхних этажах и заглядывают к нам в окно, находящееся прямо на уровне их глаз. Все дело в поспешных заскоках в «Сэйнсбери Локал»<sup>[8]</sup>, чтобы прихватить обед по пути домой, гулянии по парку, что, конечно, дело приятное, но не заменяет выезда за город...

К тому же, как и многие лондонцы, мы редко посещали театры, галереи, музеи.

Теперь, когда мы жили в Корнуолле, поездка в столицу стала желанным развлечением: мы не были там полтора года. Это возбуждало, таило в себе много возможностей. У меня появилось так много перспектив. Я была просто переполнена ими.

Переезд был, разумеется, идеей Сэма. Одним воскресным утром он спустился из спальни, в пижамных брюках и одной из его многочисленных белых футболок, и застал меня сосредоточенно сидящей за работой.

– Во сколько ты встала? – спросил он, с сонным видом направляясь в сторону кофемашины.

– Не знаю. – Помню, что я пыталась сфокусироваться на нем и улыбнуться. – Кажется, около пяти. Я сделала кучу работы. Почти закончила.

– О, Лара.

Я повернулась и посмотрела на него. Он стоял ко мне спиной, наливая себе в чашку чуть



теплого кофе. Я любила работать по утрам. Он никогда этого не понимал. Я вновь и вновь пыталась объяснить ему, что мне так проще, но он лишь снисходительно смотрел на меня, считая, что я просто храбрюсь.

– Что? – Я сделала усилие и отложила работу в сторону. Он подошел и сел рядом со мной за стол. Я взяла свой кофе, хотя он давно остыл, и обхватила чашку обеими ладонями, стараясь извлечь из нее малые остатки тепла.

– Лара, – повторил Сэм. Лицо его было помято после сна. – Это плохо. Знаешь что? Если мы хотим завести детей, если мы это планируем, а ведь мы планируем... Мы всего только несколько месяцев пытаемся. Нам надо вести менее стрессовую жизнь. Мы должны уехать из Лондона. Есть одно объявление о найме, на которое я мог бы откликнуться.

Я вздохнула. Сэм имел склонность придумывать грандиозные схемы, и, как я правильно поняла, это была очередная.

– Что за работа? – Я ожидала, что это что-нибудь скучное, в Хэмпшире или Суррее<sup>[9]</sup>. Он улыбнулся.

– Строительство фешенебельных яхт в Фалмуте. Я почитал о Фалмуте. Это будет первоклассное место для жизни. Абсолютно идеальное для семьи.

Я посмеялась над этим.

– Ну. Конечно. Мы уедем и будем жить в Фалмуте. Прямо вот так. Где, кстати, этот Фалмут? В Девоне? Что я буду там делать?

Сэм поднялся и встал за спинкой моего стула. Наклонился и обнял меня.

– Корнуолл, – пробормотал он мне в волосы. – И у тебя, милая, будет ребенок.

– Ладно, – беспечно сказала я. – Тогда бери эту работу. И мы попробуем.

Я ни на секунду не предполагала, что переезд пройдет так гладко и беспрепятственно, словно это было predetermined свыше, иначе не отнеслась бы к словам мужа так легкомысленно. Сэм получил работу, и мы переехали. Судостроители хотели, чтобы он приступил как можно скорее, и мы в мгновение ока продали наш дом (к счастью для нас, в момент максимального подъема рынка, хотя в то время казалось, что цены будут вечно держаться на восходящей траектории), оставили наши лондонские работы, сели в машину и отправились на запад. Достигнув запада, еще немного проехали на запад и после этого снова продолжали ехать на запад. В конце концов, примерно в двадцати милях от самой западной точки, мы припарковались у нашего нового дома и начали новую жизнь.

Мне во многих отношениях нравилось жить в Корнуолле. Я обожала Фалмут. Имей я детей и работу, чтобы поддерживать мозговую активность, я была бы вполне довольна. Здесь есть пляжи и поля, леса и маленькие магазинчики. Можно сесть на поезд и поехать в более крупные места, легко. Мне всегда нравилось ощущать, что я нахожусь вдали от большей части остальной страны. Не Фалмут удален от всего остального, это все остальное удалено от Фалмута.

Однако жизнь здесь, только вдвоем с Сэмом, без ребенка, без близких друзей и работы никуда не годится. Нам уже перевалило за тридцать, и я не хотела продолжать такую жизнь. С Фалмутом все прекрасно. Со мной все было прекрасно. Но нам с Сэмом вместе, где бы мы ни поселились, прекрасно уже не будет никогда.

Сэм на кухне, на втором этаже, потому что в нашем доме, выстроенном на склоне горы, все было вверх ногами. Я застала его моющим бокалы из-под «Просекко» и тарелки из-под кекса.

– Привет, – сказал он. – Вот и ты.

– Мы не допили эту бутылку. – Я вынула ее из холодильника и поднесла к свету. – Давай это сделаем. Прямо сейчас.

Он издал смешок, слегка нервный.

– Еще нет пяти, Лара, а ты уже выпила достаточно. Ты серьезно?

– Да. Давай. Я вытру эти бокалы. На, держи.

– А в чем дело?

Я собиралась все обстоятельно рассказать Сэму за бокалом вина, однако просто выпалила залпом:

– Звонил Леон. Ты знаешь. Пока Айрис была здесь. Сэм, мне предложили работу. В Лондоне, на фирме у Салли. Делать то же, что я делала раньше. Меня попросили включиться в работу над проектом застройки Саутуарка. Перестройка старых пакгаузов в квартиры, продажа – все то, что я делала раньше. Я буду руководителем проекта. Они пока только купили участок. Все остальное – команда, проектно-конструкторская часть, вся политическая часть по реализации на практике – за мной. Все, что я хорошо умею. Это будет полугодовой контракт. Краткосрочный.

Я молча смотрела на него и ждала.

– Ни в коем случае.

Как предсказуемо!

– Подумай, Сэм. Деньги обещают сумасшедшие. Шесть месяцев. Это не навсегда.

– Но это в Лондоне. Я не могу оставить работу. Так что мы не можем уехать жить в Лондон на полгода, понимаешь?

Я проглотила большой глоток пузырящейся жидкости: у нее оказался водянистый, металлический привкус.

– Ты не можешь оставить работу, – согласилась я рассудительным тоном, как самая разумная женщина на свете. – Но я-то могу поехать. Остановлюсь у Оливии или у родителей. Есть поезд. Ночной поезд. Я могла бы садиться на него здесь вечером в воскресенье и возвращаться домой утром в субботу. Мы бы чудесно проводили время на выходных.

– Нет. – Голос его звучал глухо. – Лара, это не вариант. Мы уехали из Лондона, чтобы начать новую жизнь. Мы собираемся усыновить ребенка. Ты не вернешься обратно в этот порочный круг. Почему, скажи, пожалуйста, они хотят, чтобы ты ради этого перевернула свою жизнь вверх тормашками, когда можно задействовать одного из тысяч квалифицированных людей в Лондоне, которые выполнят эту работу не хуже тебя? Ты говоришь, что у тебя это хорошо получается, но на самом деле это хорошо получалось у тебя раньше. Слава богу, мы оставили все это в прошлом.

Я чувствовала, что он совершенно меня не понимает.

– Я хочу этим заниматься. – Я старалась говорить спокойно. – Я скучаю по возможности поработать головой, Сэм. У меня не получилось родить ребенка. А мне предлагают то, что я умею. Я до сих пор хорошо разбираюсь в своей работе. А главное, что после этих шести месяцев мы сможем выплатить наши долги.

Я решила пойти на эту работу, даже если придется оставить Сэма. Меня снедало чувство вины, потому что я почти хотела, чтобы он сказал «нет». Тогда я наконец уйду.

– О, Лара. – Когда он произнес это, моя победа стала осязаемой.

Я допила содержимое своего бокала. Он сделал то же самое. Сэм смотрел на меня скорбными глазами. Я снова его разочаровала. За окном солнце поблескивало на воде. Два



голубя сели на перила балкона. Подъемный кран тащил, раскачивая, громадный квадратный контейнер, разгружая неизвестно что с палубы массивного судна, пришедшего неизвестно откуда.

В ранний час утра, когда мир снаружи только начинает просыпаться, я внезапно очнулась. Сэм спал, повернувшись ко мне лицом, легонько посапывая, с розовым, смятым о подушку лицом.

Я еду в Лондон. Моя жизнь будет напряженной. Я буду постоянно в разъездах. Это будет непростой путь во всех отношениях. Мне придется работать так, как я работала раньше; придется безукоризненно выглядеть, быть уравновешенной и уверенной в себе, работать с проектами и людьми. Я буду заниматься важным и ответственным делом. Сейчас ощущение у меня от всего этого было такое, будто я в жаркий день собираюсь нырнуть в освежающий бассейн.

Птицы снаружи подняли такой гомон, что я задалась вопросом, как Сэм и все остальные могут при этом спать. Солнце доползло до края жалюзи и залило комнату светом.

Наша спальня была маленькая. Чтобы добраться до шкафа, нам приходилось протискиваться мимо кровати. Мы хотели расширить дом, когда заведем детей, и комната стала бы больше. Я точно знала, что в себя включало бы ее новое убранство, потому что мы постоянно говорили об этом. Мы читали книжки и планировали, где что будет стоять. Тут была бы переносная колыбель, пеленальный столик, под которым располагалась бы полка, а на полке – маленькая горка сложенных ползунков и кофточек.

Сэм хотел ребенка, потому что он нормальное человеческое существо. Я хотела ребенка, потому что это представлялось наилучшей возможностью полюбить кого-то страстно и всепоглощающе. Я смотрела, как мой муж спит в мягком утреннем свете. Зрелище настолько интимное, что я чувствовала: следует отвести взгляд. Но я подперла голову локтем и продолжила смотреть. Он так уязвим в этом бессознательном состоянии, и я попробовала думать о нем только доброе.

Сэм будет спать в этой кровати один шесть ночей в неделю в течение шести месяцев. После этого, несомненно, мы будем знать, что делать.

«Если бы я от тебя ушла, – сказала я ему мысленно, – ты бы встретил такую женщину, которая тебе нужна. Ты мог бы даже завести с ней ребенка, потому что численность сперматозоидов у тебя в норме. Со мной тоже предположительно все в порядке. Просто у нас так и не получилось».

«Тебе не следовало вообще на мне жениться, – эту мысль я телепатически направила ему в голову. – Ты был бы счастлив с женой, которая бы тебя обожала, а не с такой, которая цеплялась за тебя, как за спасательный плот в бурном море, а затем, достигнув суши, жалела, что не может от тебя избавиться». Мне следовало, как всегда, послушать Леона. Леон советовал мне не выходить за Сэма.

– Сейчас тебе с ним хорошо, – сказал он, познакомившись с Сэмом. – Но ради бога, Лара, не выходи за него замуж. Он обрыднет тебе до смерти, потому что он слишком хороший человек. Как обрыдл тот парень Олли, но этот хотя бы не подложит тебе свинью. Закончится тем, что это ты ему подложишь.

По крайней мере в этом он ошибся.

Я все чаще и чаще представляла себе женщину, с которой Сэму следовало бы быть. Пыталась нарисовать себе его вторую жену. Я смотрела вчера на Айрис, спрашивая себя,

подошла бы она ему, но понимала, что она не подойдет. У Айрис есть парень, но у нее также есть тайны. Огромную часть себя она скрывает. Сэму нужна жена, у которой было бы так же мало демонов, как у него самого.

Идеальная миссис Финч должна иметь в прошлом счастливое детство и быть лишена профессиональных амбиций. Она должна стремиться посвятить себя семье и с удовольствием ухаживать за домом. Она должна быть организованна и благодарна и должна думать, что Сэм самый сексуальный, самый обворожительный мужчина на свете.

Мы бы с ней не смогли подружиться.

Я периодически пыталась притвориться такой. Я не сразу обнаружила, что выискиваю ее, подобно тому, как это делают женщины из журнальных статей, которые знают, что скоро умрут, и начинают заранее подыскивать новую жену своему мужу и новую мать своим детям. Выглядит это весьма странно, и еще более странное впечатление это производит, когда этим занимаюсь я, потому что у нас с Сэмом вроде как счастливый брак, да и детей у нас никогда не было.

Как жаль, что у меня не было причин от него уйти. Как жаль, что я не могла принять, что у меня красивый, заботливый, любящий муж, который меня обожает, и утомониться. Мне нужно то одно, то другое.

Я поеду в Лондон. Тогда что-то, возможно, изменится и устаканится, и все будет в порядке. В противном случае мы можем отдалиться друг от друга и расстаться по взаимному согласию, без злобы и упреков. Вот о чем я мечтала.

Как можно тише я выбралась из постели и на цыпочках пошла наверх поставить чайник и встретить рассвет.

Сэм настаивал на том, чтобы отвезти меня на машине в Труро, к моему первому ночному воскресному поезду. Он был так демонстративно печален, что мне в противовес этому хотелось смеяться. Я бы предпочла сесть на боковую железнодорожную ветку на станции Доки позади нашего дома, но видела, что для него было очень важно меня проводить, поэтому быстро сдалась.

Он чуть не плакал, когда мы прощались у турникета в Труро.

– Береги себя, – сказал он. – Хорошо? Обещай, что все время будешь оставаться на связи. Как жаль, что я не могу поехать с тобой.

Я улыбнулась и поцеловала его.

– Не глупи, – ответила я с шутливой строгостью. Теперь мне не составляло труда быть с ним ласковой. – Ты работаешь для того, чтобы выплатить закладную за дом и оплачивать счета. Я буду работать для того, чтобы расплатиться по кредитным картам. Я вернусь утром в субботу. Мы чудесно проведем выходной. Все наши уик-энды будут чудесными, Сэм! Никакого уныния, хорошо? Меня не будет поблизости, чтобы тебя ободрить, поэтому обязательно сходи в паб. Повидайся с друзьями. Прокатись на машине. Не давай себе скучать, и не успеешь оглянуться, как я вернусь.

Он зарылся лицом в мои волосы.

– Да, мисс, – произнес он нарочито смиренно. – Я знаю. И начнем процесс усыновления из-за границы.

– Конечно. Все верно. Я пойду. Незачем нам стоять здесь и грустить. Пока, милый. – Ему хотелось услышать, что люблю его, я знала это. Сэм заслуживал этих слов. Я не могла уйти, не сказав их. Я сделала глубокий вздох. – Я люблю тебя.

Я проговорила это тихо, ему в плечо, но его облегчение было до отвращения очевидно.

– Спасибо, родная, – прошептал Сэм, и я услышала в его голосе улыбку. – Спасибо.

Поезд медленно подъезжал к перрону, а Сэм все еще стоял в кассовом зале, уставившись в окно. Я нашла вагон «Е», спальное место 23, дверь купе была открыта.

Мое купе оказалось меньше, чем я ожидала, с единственной, к моему облегчению, нижней койкой, с раковиной, зеркалом, прозрачным пакетом с туалетными принадлежностями, несколькими сетчатыми полочками для вещей, приделанными к стене. На стене висел телевизор, в идеальном положении, чтобы смотреть, лениво лежа на койке.

Все в этом крохотном купе было целесообразно и чисто. Кровать с удивительно роскошным стеганым пуховым одеялом в хрустящем белом пододеяльнике, хоть и узкая, но притягательная. В течение некоторого времени я осматривалась вокруг, не испытывая ничего, кроме удовольствия.

Штора была опущена на ночь. Подняв ее, я, вероятно, смогла бы увидеть в окно Сэма. Он наверняка старательно обводил глазами поезд, высматривая меня.

Вместо этого я закрыла дверь и села на постель. Слегка вибрируя, поезд тронулся.

Десять часов. Утром я должна быть на работе. Мне нужно немедленно лечь спать.

На стене возле раковины висело зеркало, и еще одно – на двери. В поезде я выглядела по-иному. В Фалмуте я жена, бездетная, но приятная женщина, которая добровольно берется за разные дела. Однако в тот самый момент, как я ступила на этот поезд, я стала пассажиром, едущим на работу.

Кто-то постучал в дверь, и меня пронзила тревога и раздражение. Моя первая мысль была, что это Сэм тайно купил себе билет на поезд, чтобы меня удивить. Я молила Бога, чтобы моя догадка оказалась неверной, и ненавидела себя за это.

Я открыла дверь, потому что едва ли возможно притвориться, что меня здесь нет. Привалившись к косяку, в дверях стояла краснощекая женщина с короткими кудрявыми волосами и смотрела в какой-то список.

– Привет, моя милая, – жизнерадостно сказала она. – Мисс Финч, не так ли? Верно? Можно мне посмотреть на ваш билет, дорогая? Что бы вы хотели на завтрак, моя милая?

Я вручила ей билет с плацкартой.

– Мне положен завтрак?

– Да, конечно, положен.

– Вы знаете мое имя?

– Оно в списке, дорогая.

Если я у нее в списке, ничего ужасного произойти не могло. У меня возникло желание сфотографировать ее и отослать фотографию Сэму, чтобы доказать ему, что я в хороших руках. Если я попрошу, она, вероятно, будет не против.

Однако я просто заказала кофе и круассан, зная, что на деле еда окажется не такой привлекательной, как мне бы хотелось, но все равно уверенная, что будет недурно.

Как только она удалилась, я отправилась в конец вагона, в туалет, и по дороге протиснулась мимо высокого мужчины, которому, наверное, слегка за сорок. У него темные волосы, он высок и хорошо сложен и тоже похож на пассажира, едущего на работу. Он тепло мне улыбнулся, когда мы разошлись – довольно тесно друг к другу, потому что коридор был узкий. Слегка коснувшись его, я, смутившись, поспешила дальше.

В поездах я предпочитала держаться особняком. Вскоре они станут неотъемлемой частью моей жизни, и я не хотела лишних встреч и разговоров с людьми. Поезд может стать превосходной декомпрессионной камерой между двумя моими жизнями. Эти две ночи в неделю – особенные, в которые не входят ни работа, ни проживание на квартире у сестры (что теперь, когда я приближалась к Лондону, выглядело не такой уж легкой перспективой), ни дом, со всем его чувством вины и утраченным очарованием.

Я лежала без сна на узкой койке, чувствуя, как поезд подпрыгивает на рельсах, неумолимо неся меня к столице, и ухмылялась, а затем вслух рассмеялась в полутьме от внезапной перемены в моей жизни. Шесть недель назад я вела бесцельную и тоскливую жизнь: была «женой Сэма» и «той женщиной в приемной врача». Я слонялась по Фалмуту и ездила без причины на пароме в Сент-Моус, несмотря на то что с трудом могла позволить себе стоимость проезда. Теперь я снова стала самой собой, мчалась обратно в большой город, порвав с ощущением неудовлетворенности и провала и бросаясь в работу, которую, как я надеялась, все еще могла хорошо выполнить. Себя я пыталась убедить, что делаю это единственно ради денег.

Поначалу мне казалось, что я не засну, однако довольно быстро провалилась в сон, а когда проснулась, поезд стоял. До меня доносились звуки снаружи, которые, несмотря на

доки, мы не слышали в Фалмуте. Это шумы Паддингтонского вокзала во всей красе. Шум локомотивов и визг колес, предостерегающий окрик и отрывистый смех. Смазанный звук объявления по радио, несомненно, о каком-то поезде, хотя мне не удалось разобрать слова. За серым прямоугольником моей опущенной шторы притаилось утро.

Пока я тянулась за телефоном, засунутом в сетчатый карман возле постели, раздался резкий стук в дверь, и дружелюбный женский голос произнес нараспев: «Доброе утро! Завтрак!»

Я со щелчком отворила дверь, не покидая постели, и женщина вошла, поставила сервировочный столик и проверила, прочно ли стоит на нем поднос.

– Вы должны покинуть поезд к семи, – сказала она, уходя. – После этого можете подождать в зале ожидания Паддингтона, если хотите. Вы знаете, что на первой платформе есть зал ожидания?

– Благодарю вас, – кивнула я, – но я пойду прямо на работу.

Кофе оказался растворимым, а круассан – из пластикового пакета, но я все равно смаковала и то и другое. Я сфотографировала поднос с моим полусъеденным завтраком и отправила Сэму. Мне казалось, что ему будет приятно.

«Прибыла в Паддингтон, – написала я. – Меня здесь кормят. Все прекрасно. Через минуту отправляюсь на работу. Позвоню тебе позже».

Затем я постаралась, как могла, помыться с помощью мягкой мочалки для лица, которую мне выдали в поезде, и нанесла обильное количество дезодоранта. Я оделась в юбку, блузку и жакет, которые аккуратно повесила вчера вечером, и поскольку не было возможности вымыть и высушить волосы, встала перед зеркалом и потратила двадцать минут, закрепляя их в подобие шиньона с помощью многочисленных шпилек, которые взяла с собой. Я нанесла макияж, который делала, когда жила в Лондоне. Наконец я нанесла последний штрих: надела рабочие туфли. Я хранила их несколько лет, и, вероятно, к настоящему времени они перешли в разряд винтажных. Они на высоких каблуках, с перепонками, классические «Мэри Джейн», такого типа, которые секретарша из 50-х годов, наверное, надевала, выходя вечером из дома. Они темно-красные, и я их обожала. Я надела их, а вместе с ними – прежнюю заброшенную, полужнакомую личину.

Я улыбнулась своему отражению. Теперь я была настоящая, правильная Лара. Этих Лар за минувшие годы было множество, и теперь я поняла, что эта мне нравится больше всего. Деловая. Успешная. Элегантная. Та, что чертовски хороша в своем деле.

Эгоистичная, самодостаточная и незамужняя.

Семь часов. Я сошла с поезда вслед за женщиной, которой на вид было за пятьдесят. Она, как и я, одета для работы и решила проблему волос, надев широкую ленту, из тех, что люди надевают на пляже. Лента бледно-зеленого цвета, в тон ее костюму, и она ей шла.

– Доброе утро, – с широкой улыбкой сказала женщина, заворачивая на платформу и дожидаясь меня. Мне она сразу же понравилась. Если бы она была в книжке-раскраске, я бы раскрасила ее оранжевым и красным, с мягкими язычками пламени, которые выстреливают чем-то добрым в окружающих людей.

– Доброе утро. – Я чувствовала себя немного смущенно, но эта неожиданная волна товарищества заставила меня улыбнуться.

– Прямо на работу? – спросила она, глядя на мою экипировку. – Или сначала выпьете кофе? Мне всегда кажется, что станционный кофе настолько лучше того дерьма, которое

подают в поезде, что было бы преступно не опрокинуть в себя чашечку перед трудовым днем. Ведь он бесплатный. То есть вы уже заплатили за него обильной ценой за купе. Так что просто обязаны его забрать.

– Я собиралась прямо на работу. – Я взглянула на старомодные часы на стене прямо перед нами. – Но сегодня мой первый рабочий день, и я наверняка распереживаюсь, если долго придется ждать, пока приготовят кофе в какой-нибудь кофейне. Так что вообще-то я могла бы выпить здесь. А если он приличный, тем лучше.

Я остановилась на секунду и глубоко вдохнула лондонский воздух. Он здесь грязный и пыльный от разных станционных механизмов, я его обожала.

Женщина лучезарно мне улыбнулась, и я прошла за ней в дверь, миновала мужчину в форме, сидящего за столом и читающего газету, и помахала перед ним билетом, по примеру спутницы. Комната была полна столов и стульев, высоко на стене экран без звука показывал какую-то программу с субтитрами. Женщина направилась прямо к кофемашине. Мы обе взяли большие белые чашки на блюдцах, при взгляде на которые я вздрогнула: они напомнили чашку, которой Сэм иногда пользуется дома.

– Первый день? – переспросила она, когда мы сели за столик. Здесь стояла еда – выпечка и бананы на больших тарелках, но, как и моя спутница, я ни к чему не притронулась. Я попробовала кофе. Она права. Он оказался вполне приемлемый. – Почему? Были в декретном отпуске или что-то в этом роде?

Всегда всех тянет говорить о младенцах!

– Нет! Это долгая история. Переехала в Корнуолл со своим мужем. Бросила работу. Он получил там место. – Я замаялась, не желая делиться этой своей историей с посторонним человеком. – Он и сейчас там работает. Мне предложили что-то вроде моей прежней должности по шестимесячному контракту, а мы нуждаемся в деньгах, поэтому я согласилась.

– Каждую неделю в Лондон и обратно в течение полугода?

– Да. А вы тоже? Каждую неделю в Лондон?

– Что-то вроде. Не постоянно, но довольно часто вы будете видеть меня по вечерам в воскресенье и в пятницу. Нас таких несколько. Иногда мы собираемся в коктейль-баре. Пятница для этого лучше всего подходит. Я Элен.

– Лара.

– Лара, – повторила она, глядя на меня оценивающим взглядом. – Очень эффектное имя. Оно вам подходит.

– Хм, спасибо. Я понятия не имела, что кто-то еще ездит вот так на работу. Я думала, я одна такая. А вы кем работаете?

– Банковское дело, знаете ли. В Лондоне я одна из ненавидимых банкиров, но никто на самом деле нас не ненавидит. В Корнуолле я просто женщина, которая работает в Лондоне.

– Почему вы не живете в Лондоне?

Элен пожала плечами:

– Я люблю Корнуолл. Мне нравится проводить там выходные. Это восхитительно. По мне, гораздо лучше жить вот так. Влюбляешься в поездки на ночном поезде, и это куда лучше, чем иметь какую-нибудь глупую квартиру в Клэпаме<sup>[10]</sup>, как все остальные. Мой партнер живет в Корнуолле. Он фермер, так что для него вряд ли найдется место в большом городе. Поездки порой утомляют, но обычно я их обожаю. – Она улыбнулась и обвела взглядом помещение. – Тут нет шума и суеты. Люди ненавидят утро понедельника. А я – нет. – Она помахала кому-то. – Мне очень нравится.

– Очень рада это слышать. Послушайте, этот кофе не такой уж потрясающий, правда?

– Ах, боже мой, конечно. По сравнению с настоящим кофе. Впрочем, в нем есть кофеин и он сравнительно свежий. Мне важно, чтобы был кофеин.

– О, мне тоже. – Я запомнила, как Сэм настоял на отказе от кофеина в период попыток забеременеть. Мы оба убедили себя, что отсутствие кофеинсодержащих продуктов в наших организмах вдруг подтолкнет вялый сперматозоид к непокорной яйцеклетке и произведет ребенка там, где в ином случае его бы не было. Я всегда знала, что тонкая перенастройка Вселенной с целью сделать ее безрадостно декофеинизированной на самом деле не склонит чашу весов в нужную сторону, но все равно поддерживала это начинание, на всякий случай.

– У вас есть дети? – Я не хотела разговаривать на эту тему. Я страшно негодовала, когда незнакомые люди спрашивали меня об этом, и вот, пожалуйста, сама сделала то же самое. – То есть... извините, я не имела в виду...

Элен рассмеялась:

– Нет, Лара, нету. Честно говоря, я никогда их и не хотела. Я была замужем какое-то время, но стойко держалась, была против детей, потому что из этого ничего хорошего бы не вышло, и я это знала, ей-богу. Затем, когда я познакомилась с Джеффом, подходящее время уже прошло. Я рада, что у меня никогда не было детей. Я не смогла бы жить этой шизоидной жизнью. Как я догадываюсь, у вас их тоже нет?

Я посмотрела на свой кофе. Пенистая молочная пленка уже исчезла с его поверхности. Подобный разговор, даже со столь дружелюбной незнакомкой, был совсем не легкий.

– Мы пытались несколько лет. Мой выход на работу в некотором роде знаменует нашу неудачу. – Взглянув на нее, я быстро добавила: – На самом деле все к лучшему. Действительно к лучшему. Я никогда особенно не мечтала стать матерью и рожать детей. Это было больше нужно Сэму, не мне. Конечно, я любила бы своего ребенка, если бы он появился, но этого не произошло. И вот уже задача деторождения поглощает тебя целиком, становится навязчивой идеей, и внезапно оказывается, что все стороны твоей жизни подчинены инъекциям и циклам, и каждый постоянно спрашивает: «Так что же, будут у вас дети?» Как будто мало того, что вы и сами друг с другом говорите только об этом. А Сэм фактически не мог говорить и думать ни о чем другом, и к тому времени, когда мы все-таки оставили свои усилия, я не чувствовала ничего, кроме громадного облегчения. Я рада, что перешла к чему-то новому.

– Ну, вот это другой разговор. – Она подняла свою чашку с кофе. – Ваше здоровье, Лара. Добро пожаловать в новую жизнь. Счастливого начала.

Мы встали, забрали свои сумочки и вместе тронулись в начале понедельничного часа пик через Паддингтонский вокзал, по направлению к подземке, навстречу работе и лондонской жизни.

Рабочий день прошел легче всего. Первую пару часов я знакомилась с людьми, разбиралась, что к чему, и входила в курс проекта. Он обещал быть интересным – планировалась застройка позади галереи Тейт Модерн: я буду превращать промышленные склады в квартиры и ресторан. Я начала с основ проекта, прокручивая каждый шаг у себя в голове. Это территория с высоким горизонтом грунтовых вод, высокой вероятностью археологических осложнений и активным местным сообществом, отслеживающим каждый наш шаг.

Я хорошо знала свое дело и вернулась к работе легко и профессионально. Несмотря на мой неожиданно личный утренний разговор с Элен (который оставил у меня ощущение обнаженности и о котором я немедленно пожалела) или, возможно, именно из-за него я была дружелюбна, но сознательно держала дистанцию с новыми коллегами, многие из которых были моложе меня.

Я покинула офис в шесть тридцать, довольная собой.

Через Ковент-Гарден<sup>[11]</sup> я направилась к квартире сестры. Она жила на до неприличия безупречной улице в центре большого города. Был ранний вечер, светило солнце, и улицы были полны освободившимися работниками, туристами, студентами, а также разнообразными людьми, не поддающимися классификации. Я чувствовала в воздухе возбуждение, и, хотя я любила Фалмут и Корнуолл, в глубине души знала, что я лондонка. Я лондонка и вернулась домой, и даже необходимость уживаться с Оливией не могла умерить мой прилив счастья.

В какой-то момент я представила себя героиней книги. Это была бы детская книжка с картинками под названием «Лара в Лондоне». Я изображена в элегантном стиле, как женщина из шикарного модного журнала тридцатых годов, с осиной талией и шиньоном, и уверенно шагаю по городу навстречу приключениям. Эти приключения не подчинены какому-то определенному ритму, потому что «Лара в Лондоне» – это больше путеводитель по городским достопримечательностям, чем роман. В данный момент я обхожу, цокая каблучками своих восхитительных туфель, центральную площадь Ковент-Гарден, мимо людей, мерзнущих со своим пивом за столиками на улице, и уличного затейника, жонглирующего стульями на красном коврике, в окружении собравшейся поглазеть на него толпы. Проходя, я помахала ему, ощущая себя настолько могущественной, что, казалось, смогу заставить его помахать в ответ и испортить свой номер. Он, конечно, меня даже не заметил, но мое воображение моментально трансформировало жонглера в его иллюстрированную версию, с преувеличенно круглыми щеками, оттененными короткой щетиной.

Магазин «Маркс и Спенсер» напротив входа в подземку – мой первый пункт назначения. Покупая вино, оливки и сливочный варенец – дома у сестры не буду даже пытаться сделать вид, будто привезла их из Корнуолла, – я твердила себе, что все будет хорошо. Я повторяла это снова и снова так уверенно, что начинала в это верить. Оливия сказала, что не против, если я буду жить у нее в течение всей рабочей недели. Но я уверена, лишь из вежливости.

Мне было прекрасно известно, что на самом деле сестра совсем не рада моему присутствию. Я не видела ее полтора года, потому что на прошлое Рождество мы отправились к родственникам Сэма, а когда 28 декабря добрались до моих родителей, она



куда-то «уехала с друзьями».

Я попыталась внушить себе, что, поскольку мы отдохнули друг от друга, вероятно, все будет хорошо. Перерыв – это именно то, что требовалось нашим отношениям. Мы никогда не были дружны в детстве или подростковом возрасте, а став взрослыми, катастрофически рассорились. Она не знала об одном важном событии в моей жизни, однако мой муж тоже не в курсе. Мы никогда не были друзьями, даже в самом поверхностном смысле. Она родилась, чтобы меня ненавидеть; я предполагала, что какой-то мой поступок мог спровоцировать эту ненависть, но я не пыталась портить отношения намеренно. Ее неприязнь была стойкой и неподдельной, и Оливия вела себя так, что я невольно возненавидела ее в ответ.

Я всегда скептически относилась к превозносимой другими сестринской близости. В сущности, я не могу отделаться от ощущения, что все это притворство, что под внешней личиной каждой пары любящих сестер скрывается некий вариант нас с Оливией, постоянно пестующих взаимное недовольство, начавшее копиться в тот день, когда был зачат второй ребенок.

Однако сейчас нам, возможно, удастся выстроить новые отношения. Нам обоим за тридцать, и у нас могло бы получиться. Есть шанс, уговаривала я себя, расплачиваясь дебетовой карточкой. Возможно, скоро я смогу произнести слова «моя сестра» без привычного укола жгучей неприязни. Эти мысли заставили меня ринуться за букетом белых роз с витрины. Я заплатила за них отдельно, кэшбэком<sup>[12]</sup>, и бросила извиняющийся взгляд на мужчину, стоящего за мной в очереди. Наверно, я должна была встать в конец очереди, чтобы сделать вторую покупку. Но мужчина нервного вида, лет сорока с лишком, кивнул и сказал: «Красивые цветы» – с австралийским акцентом. Я благодарно улыбнулась, стараясь стряхнуть с себя внезапное чувство, что встречала его прежде. Это же Лондон: конечно же, не встречала.

Лишь однажды Оливия передо мной извинилась. Но вскоре мы вернулись к нашему привычному взаимному пренебрежению. Она преодолела эту свою оплошность легко и быстро. Это был единственный раз, когда она сделала по отношению ко мне что-то конкретное, о чем все знали и на что я могла указать и сказать: «Ты это сделала». Тем не менее, если бы мне случилось упомянуть об этом сейчас, она бы надо мной посмеялась.

Ее улица изменилась с тех пор, когда я была здесь в прошлый раз. Она берет начало от Лонг-Акр<sup>[13]</sup> и считается страшно модной. Тут находится большой универмаг винтажной одежды, центр йоги, вход в новый дворик, полный высококлассных магазинчиков. Я прошла ее до конца, поглядывая на расположенный у дороги паб. Он выглядел уютным. Возвышающийся рядом с ним дом украшали миллионы гераней в ящиках на окнах, а между ними вились ползучие побеги. Торопливо опрокинутый в себя глоток водки придал бы мне смелости.

Я, конечно, отказалась от этой мысли, как мне ни хотелось, и направилась к многоэтажному зданию, в котором жила Оливия. Ясное вечернее солнце вдруг стало холодить мне щеки. Со времен моего предыдущего визита классический фасад дома был обновлен и теперь сиял красным кирпичом. Сестра проявила проницательную практичность, купив эту квартиру, когда получила свою первую работу и когда Лондон был на пороге всплеска ценовой недоступности.

Над головой с неожиданным криком пролетали птицы. Какой-то мужчина двигался в мою сторону, и я смотрела на него отчаянным взглядом, как будто он мог спасти меня от

необходимости нажать кнопку домофона. Он медленно прошел мимо по другой стороне улицы, разговаривая по телефону.

– Угу, конечно, мы могли бы, – говорил он, – но тебе придется справиться с реакцией Годдарда, приятель. Я снимаю с себя ответственность.

Мне захотелось спросить, кто такой Годдард и какова будет его реакция, но вместо этого я нажала на кнопку, и дверь со щелчком открылась, без единого слова из переговорного устройства.

Она ждала меня на лестничной площадке. Ковер был заменен со времен моего прошлого визита, но стены остались по-прежнему неряшливыми.

Я перевела дух.

– Оливия! – выдохнула я, стараясь не замечать пренебрежения в ее жестком взгляде. – Как чудесно тебя видеть! – Я направилась к ней, чтобы обнять, затем отказалась от этого намерения, почувствовав ее ледяную холодность. – Большое тебе спасибо за то, что согласилась меня приютить. Как поживаешь? Выглядишь отлично. Вот, я тут принесла тебе кое-что. Цветы и кое-какой вклад в хозяйство.

– Да, – бросила она. – Конечно. Спасибо.

Она провела пальцами по волосам – черным и более коротким, чем раньше. Ей шла короткая стрижка: Оливия подстриглась «под мальчика», что придало ей юный вид и французский безжалостный стиль, который немногие могли бы вынести.

Квартира у нее маленькая, но красивая, с окнами на фасаде, сквозь которые солнце заливает светом каждый кусочек гостиной и главной спальни большую часть дня. Кухня, ванная комната и маленькая спальня по сравнению с ними мрачные, но я заметила, что теперь сестра повсюду развесила китайские фонарики, чтобы противостоять темноте в своей характерной агрессивно-эксцентричной манере.

Оливия поставила пластиковый пакет с покупками в тускло освещенной кухне, даже не взглянув на него. Я последовала за ней в гостиную, где она упала в потертое кожаное кресло, являющееся частью этой комнаты все время ее проживания здесь, хотя теперь оно было покрыто лиловыми и серебряными подушками. Я заняла место на кремовом диване и адресовала сестре фальшивую улыбку.

– Ты приехала, – произнесла она. – И как прошел первый день возвращения к славной карьере?

– Все было прекрасно, – пролепетала я. – Действительно замечательно. Вновь погрузилась в самую гущу. Провела день, проверяя разрешение на перепланировку, чем я всегда раньше занималась. Все было в точности как в старые времена. Но как ты, Оливия? Как работа? И как все остальное?

– О, сама знаешь. Ничего особенного. Рутина.

Я рассмеялась:

– У тебя совсем не рутинная жизнь. Сама знаешь.

– Изнутри все выглядит иначе. Но как бы то ни было. Родители хотят тебя видеть. Они придут на обед в среду. Папа заказал столик в «Пицца Экспресс». Само собой. Поскольку в Лондоне нет другого ресторана.

– О! Хорошо.

Я сидела и отчаянно улыбалась. Оливия подтянула под себя ноги и теперь сидела, свернувшись в кресле, как кошка. Она очень худая, заметила я. И задалась вопросом, уместно

ли будет пойти и принести только что купленное вино, открыть его и налить нам обоим по большому бокалу. Сестра намеренно проигнорировала мои покупки и теперь улыбалась мне саркастической улыбкой.

Я старшая сестра. Я, как она настойчиво всю жизнь повторяла, – «золотой ребенок». Золотые дети могут принимать на себя ответственность.

– Хочешь есть? – спросила я. – Я принесла кое-какую еду. Если хочешь, могу что-нибудь приготовить.

Она скажет «нет», но, по крайней мере, это даст мне благоприятную возможность уйти на кухню и поесть самой.

– Вообще-то я сегодня вечером ухожу.

– О, здорово.

– Ах, здорово? Ну еще бы. Хорошая квартира вся в твоём распоряжении.

– Я не это имела в виду! Куда ты идёшь?

– О, просто прогуляться. – Оливия пыталась накрутить прядь волос на палец, хотя её волосы недостаточно длинны для этого, и тихонько посмеивалась.

– Ладно, – сказала я, поднявшись. Наши разговоры никогда не занимали много времени, хотя эта встреча побила рекорд. Большие деревянные дорожные часы<sup>[14]</sup> с распродажи из багажника<sup>[15]</sup>, которые я бы ни за что не купила, потому что они безвкусные, но которые каким-то образом выглядели стильно в гостиной сестры, сообщили, что уже без десяти восемь. За окном было все еще светло. – Тогда я соображу себе что-нибудь поесть, если не возражаешь. И выпью немного вина. – С глубоким вздохом я снова заставила себя быть дружелюбной. – Могу я налить тебе бокал перед тем, как ты уйдёшь?

– Конечно. – Она выглядела смертельно скужающей.

Моя спальня – это каморка, которая также известна под названием «кабинет». На протяжении нескольких лет она служила приютом разнообразным выдающимся и неприступным друзьям Оливии, а в промежутках между квартирантами становилась местом складирования всего, что сестра хотела убрать с глаз долой.

Я толкнула дверь и была приятно удивлена, увидев, что Оливия убралась в комнату для меня. Я ожидала найти пол покрытым ненужными бумагами, коробками и вещами. Вместо этого половицы были идеально чистые, односпальная кровать (комната определенно не могла бы вместить больше одного человека) разобрана и покрыта стеганым одеялом в вышитом белом пододеяльнике и двумя подушками. В ногах постели даже лежало бледно-розовое полотенце. На перекладине для одежды висели плечики для моей одежды и имелся встроенный шкаф для остальных вещей.

– Спасибо за комнату, Оливия, – крикнула я ей. Как жаль, что я не могла называть ее Лив или Оли, как ее друзья. Некоторые из них зовут ее Либби, Либстер или Олс, и чем дальше вариант отстает от ее истинного имени, тем больше в нем интимности. А я никогда не решалась на что-нибудь иное, чем ее полное имя – «Оливия».

В обратную сторону дилеммы не существует. Нет очевидных сокращений от имени «Лара». Только один человек за всю мою жизнь попытался его сократить. Рэйчел называла меня Лаз. Я сглотнула комок и прогнала воспоминание.

Даже моя мать никогда не отступала от правил, произнеся что-нибудь вроде Ла (что, предположительно, прозвучало бы глупо). Точно так же и Сэм. Я Лара, и люди называют меня Лара, вот и весь сказ. Я – не моя сестра и, в отличие от нее, не могу использовать свое

имя как оружие.

– Добро пожаловать, – бросила она откуда-то как раз в тот момент, когда я открыла шкаф и на меня обрушилась лавина бумаг, бракованной одежды, случайных предметов и всего, что можно отнести к разнокалиберному мусору.

Я задумалась, стоит ли забрать назад благодарность, но во имя сохранения мира просто встала на колени и затолкнула всю эту уйму под кровать.

В дверях появился поджарый мужчина с бородой и в твидовом пиджаке. Он немного походил на Джарвиса Кокера<sup>[16]</sup>, и я была до умиления благодарна ему за теплое приветствие.

– Ага! – воскликнул он, указывая на меня. – Вы та самая знаменитая сестра! Вином балуетесь! Корнуоллская женщина приезжает работать в большой город, да?

– Совершенно верно. – Я не хотела знать, что Оливия рассказывала обо мне.

– Счастлив с вами познакомиться, – продолжил он с небольшим поклоном. – Я Алан.

– Привет, Алан. – Он выжидательно смотрел на меня. Оливия явно не упоминала моего имени. – Лара.

Он протянул свою длинную руку, и мы со странной официальностью обменялись рукопожатием.

– Лара. – Он будто смаковал это слово. – Лара. Извините, что забираю вашу сестру в ваш первый вечер, Лара. Не хотите ли к нам присоединиться, Лара?

Я испытывала искушение согласиться, просто чтобы посмотреть на ее лицо.

– Нет. Но все равно спасибо. Мне нужно многое сделать. Приятного вечера.

– На него-то мы и нацелились.

Алан пожелал мне спокойной ночи, и они ушли. Притворяясь, что меня здесь нет, Оливия стремительно пронеслась мимо и вышла на новый, но уже грязный ковер лестничной площадки.

В течение получаса я разговаривала с Сэмом, изумленная тем, что мне еще не доводилось уезжать из дома на целые сутки. Пока мы болтали, я расхаживала по квартире – до гостиной и обратно, – в которой было светло даже ночью благодаря уличному освещению. Я зашла в крохотную кухню, где взяла оливку, кусок питы, обмакнутой в хумус, а затем, во время третьего обхода квартиры, налила себе еще вина.

– Чем ты занимался? – спросила я, ненавидя свой покровительственный тон. Сэм, похоже, его не заметил.

– О, знаешь, плохо спал без тебя. Кровать слишком большая. Некому жаловаться, когда я заворачиваюсь в одеяло. Все без тебя не в радость.

– О, я понимаю. У меня то же самое.

– Я ни на что не годен, когда один. – Сэм начал говорить быстро, его подавленное огорчение выплескивалось в потоке слов: – Лучше бы мы этого не делали, Лара. Это ошибка. Лучше бы мы вместе посмеялись и назвали это абсурдной затеей. Лучше бы мы поставили нас самих, тебя и меня, выше денег и всего прочего. Лучше бы ты была здесь, со мной. Все это неправильно.

– Я знаю. – Я сказала это не просто для того, чтобы ему стало легче. Несмотря на то что Лондон сегодня был волнующ, а пребывание на работе – возбуждающим и удивительным, мне вдруг захотелось оказаться в Фалмуте, в нашем маленьком домике над доками, с Сэмом. С ним я чувствовала себя в безопасности. Я вдруг ощутила, что он и наш дом – это мое убежище, уютная тихая гавань сразу в нескольких отношениях. – Я вернусь в субботу, –

напомнила я.

– Но сейчас только понедельник!

– Конец понедельника. А я приеду в самом начале субботы. Время пролетит быстро. Ты привыкнешь. Ты можешь сколько захочешь смотреть «Человек и еда»!<sup>[17]</sup> Можешь оставлять поднятым сиденье унитаза. – Я замолчала, потому что заметила, как жалостливо это звучит.

– Угу. – Несколько секунд мы оба молчали.

– Так что... – произнес он наконец в тот самый момент, когда я произнесла: «И...» Мы неловко замолчали, каждый ожидая, чтобы другой продолжил.

– Продолжай, – сказал наконец Сэм. Мы оба рассмеялись, и напряжение ушло.

– Я просто хотела сказать, что тебе, в отличие от меня, не приходится жить с Оливией. Ты, по крайней мере, в нашем доме. Давай пойдем куда-нибудь пообедать в субботу. В какой-нибудь симпатичный паб.

– Да. – В его голосе наконец прозвучала решимость, и мне это понравилось. – Да. Я закажу столик в «Пандоре» или «Феррибоуте».

Это наши любимые пабы в окрестностях Фалмута, оба расположены на воде. «Пандора Инн» – на берегу речки Рэстронгуэт; крытый тростником паб, который сторел, затем чудесным образом вновь открылся почти в точности в том же виде. У него есть причал, к которому в солнечные дни пришвартовываются лодки, а те, кто на них приплыл, заходят в паб пообедать. Там же дети ловят крабов и швыряют их в пластиковые ведра.

А паб «Фэррибоут» расположен в устье Хелфорда (это часть долины, затопленная морем), в сельской местности Фрэнчменс-крик. Там речной пляж, зеркальная водяная гладь и лодки до самого горизонта, а паром, давший название пабу<sup>[18]</sup>, целый день возит людей на прогулки по реке. Оба паба – рай умиротворения: это такие места, где ничего плохого не может случиться. Иллюзорные, тихие миры, населенные исключительно обеспеченными и успешными людьми. В прошлый раз, когда мы ездили в «Фэррибоут», я разглядывала окружавшие нас семьи состоятельных отдыхающих, их здоровых детей, со знанием дела чистящих креветки и пьющих натуральный лимонад, и убеждала себя, что в мире полно печали, что люди ужасно несчастны в браке, что они заводят интрижки, слишком много пьют и имеют пристрастие к азартным играм, что многие жизни на грани распада, что семьи разбиваются, а бизнес банкротится.

В конце концов я стала главным образом смотреть так на нас с Сэмом. Для посторонних мы, должно быть, выглядели идеально: пара на четвертом десятке лет обедает вместе в прибрежном пабе. Никто бы не узнал по внешней картинке, что наша третья попытка экстракорпорального оплодотворения провалилась и мы стараемся смириться с мыслью, что у нас никогда не будет собственного ребенка, что у нас многотысячный долг и один из нас относится гораздо более спокойно к мысли о бездетности, чем другой.

И когда затем я посмотрела вокруг, то уловила отчаяние в уголках людских глаз, их страдание, фальшивые улыбки, которые они демонстрировали друг другу. Я увидела, как люди пытаются тайком писать эсэмэски под столом, но расстраиваются, что нет приема. От этого мне захотелось кричать, и я пожалела, что не запрятала подальше свой цинизм.

– Это было бы чудесно, – сказала я. – Где тебе больше захочется. Буду ждать этого с нетерпением.

– Как прошла встреча с Оливией? – спросил Сэм, и мне стало приятно, что кто-то еще, кроме Леона, искренне об этом беспокоится. – Она тебе досаждала?

Я выдавила смешок.

— О, все в пределах терпимого. С этим нетрудно справиться, избегая друг друга. Да. Кстати о сестринском примирении, на которое я надеялась. Этого, похоже, не произойдет. Сегодня вечером она ушла гулять с симпатичным мускулистым мужчиной, который очень мило ко мне отнесся. Это прекрасно.

— Не поддавайся на ее штучки, ладно?

— Я знаю.

— Я люблю тебя, Лара. Это единственное, что имеет значение, верно?

Все остальное детали.

— Да, ты прав.

Я дала отбой. Затем приняла душ, зная, что если сяду расслабляться в ванну, то потрачу слишком много воды, и Оливия, придя домой, найдет меня там и начнет ворчать. Я вылила оставшееся в бокале вино в раковину, тщательно помыла посуду, затем закрылась в своей крохотной комнатке и ненадолго заснула, рывком проснувшись, как только ключ сестры повернулся в замке. Я слушала, как она, производя разнообразный шум, ходит по квартире. До меня доносился запах тостов, которые она готовила. И я пожалела, что не могу встать и присоединиться к ней.

Внезапно донеслись ее рыдания. Кажется, Оливия старалась их подавить, но тщетно. Я слышала ее прерывистое дыхание. Часы показывали три утра. Мне хотелось снова заснуть, но ошеломление было слишком сильно. Оливия плакала все горше и горше. Это надрывало мне сердце.

Ей не понравится, если я подойду к ней, поэтому я не вставала. Я лежала в кровати, слушала, как она плачет, и притворялась, что сплю.



Пятничная ночь на Паддингтонском вокзале – это единственное время, когда я искренне и без всяких посторонних мыслей бывала счастлива. Я с нетерпением ждала этого времени всю неделю и, сходя с поезда в Труро, начинала ждать воскресной поездки обратно. От осознания этого стало не по себе. Так не должно быть, но так есть.

Я проталкивалась сквозь толпу. Вокзал в пятницу иной, чем в понедельник: воздух полнится предвкушением. Люди едут домой с работы и не собираются возвращаться на нее завтра; или же отправляются на уик-энд, с упакованными сумками, настроившись на развлечение.

Я шагала по диагонали через толпу, с нетерпением ожидая встречи с друзьями. Затем я остановилась. На какой-то момент возникло чувство, будто кто-то идет следом, и этот кто-то так близко, что может протянуть руку и коснуться меня, желая причинить вред. Чье-то недоброжелательное присутствие стало осязаемо почти физически: даже показалось, что кто-то действительно до меня дотронулся, легонько, почти не ощутимо. Я обернулась и окинула взглядом людей в толпе, их лица, но ничего подозрительного не заметила. И поблизости я никого не обнаружила. Большинство людей шли в разных направлениях или стояли неподвижно, тем временем как я спешила мимо. Но кто-то там все же был. Что-то там было.

«Не было, – сказала я себе. – Никого там не было. Ты вбила себе в голову вздор. Такое и раньше случалось». Порой я ощущала нечто, чей-то взгляд на себе, чьи-то глаза поблизости и вздрагивала, уверенная, что за мной следят и вот-вот произойдет нечто страшное. В такие моменты я чувствовала, будто иду по натянутому канату, как Филипп Пети<sup>[19]</sup> между башнями, и шатаюсь.

Я прошла прямо к залу ожидания первого класса, показала свой билет женщине, читавшей газету «Метро» и встретившей меня беглой улыбкой, и присоединилась к остальным пассажирам, ожидающим ночной поезд.

Из моей маленькой банды я пришла первая, поэтому взяла пластиковую бутылку газированного напитка и маленький пакетик с двумя печеньями и села ждать. Я все еще дрожала, несмотря на то, что ничего не произошло, и схватилась за телефон, чтобы хоть чем-то занять себя.

Я написала Сэму, где нахожусь. Прибавив, а затем удалив тираду о последней хамской выходке Оливии (бросившей в мою спальню сломанную микроволновку), я стала смотреть на заголовки новостей, которые появляются в виде неуклюжих субтитров в нижней части приглушенного телевизора, показывающего новостной канал «Би-би-си».

– Лара, – услышала я голос Элен. Она села рядом со мной и принялась копаться в своем чемоданчике, при этом постукивая пальцем по экрану айфона и время от времени заправляя волосы за уши. – Добрый вечер. Счастливой пятницы.

– Привет, – отозвалась я, открывая свои печенья и радуясь, что теперь жду не одна. – Удачная неделя?

– Прекрасная, спасибо. А у тебя? Как там твоя сестра? – Элен посмотрела на меня,

прищурившись. Поскольку она знала Оливию только с моих слов, то считала ее совершенной ведьмой. Я постоянно старалась смягчать свои рассказы, прибавляя нечто вроде: «Я уверена, если бы вы спросили ее, у нее бы оказался совершенно другой взгляд на вещи», – но на Элен и Гая это не производило никакого впечатления.

Я бегло осмотрелась, ища глазами Гая.

– О, сама знаешь, – отмахнулась я.

– Заведи свое собственное пристанище! Я, понимаешь ли, намерена повторять это, пока ты не послушаешься. Ты самостоятельная женщина, на хорошей работе. Ты зарабатываешь и вполне можешь снять себе студию. Не так уж это и дорого. Тебе лучше было бы разорвать эти нездоровые отношения.

Я вздохнула. Элен, как я поняла за короткое время знакомства, всегда говорит то, что думает. И она была права.

– Если я скажу ей, что переезжаю, Оливия никогда не даст мне забыть об этом.

Моя собеседница пожала плечами:

– И что? Ты живешь в ее камере. Она унижает тебя на каждом шагу. Заставляет чувствовать себя дерьмом. Ты не должна там оставаться. Перестрой свою жизнь.

– Я знаю. Я подумаю над этим на выходных.

– Поговори об этом с Сэмом. Как следует. Увидишь, он скажет то же, что и я.

Я снова окинула взглядом спешивших на свои поезда людей в поисках третьего члена нашей компании. Гай, Элен и я – единственные, кто каждую неделю ездил в Лондон из западного Корнуолла. Он жил где-то возле Пензанса<sup>[20]</sup> с женой и детьми-подростками. За последние две пятничные ночи наша троица поглотила слишком много джина с тоником в вагон-салоне по пути на запад.

– Гай сегодня возвращается домой? – спросила я.

Она кивнула:

– Сказал, что да. Кто знает? Может, его семья приехала на выходные в Лондон или еще что-нибудь. Кстати, вот еще одна причина, почему тебе надо съехать от Оливии. Если бы у тебя была квартира-студия, ты могла бы приглашать туда Сэма на выходные. Всего лишь какая-нибудь крохотная квартирка в северном Лондоне или что-то в этом роде. Она едва будет тебе что-то стоить. Тогда он мог бы приезжать, и вы бы ходили по театрам, галереям и ресторанам.

Я решила не спорить с Элен о том, будет мне что-либо стоить квартирка или нет.

– Ты так делаешь? Джефф приезжает в Лондон?

– О боже, нет. Джефф ненавидит Лондон. Да я и не хочу заниматься всей этой чепухой. Все это я проходила. Для меня воскресная экскурсия – это поход в паб в Зенноре<sup>[21]</sup>. А не давка через Лестер-сквер. Я говорю о тебе, Лара. Ты ловишь кайф от Лондона. Вы раньше тут жили. Из всего, что ты рассказывала о Сэме, я думаю, он достоин получить удовольствие от первосортного уик-энда в Лондоне со всеми прибабасами.

– А знаешь? Ты права.

Я обдумываю это. День рождения Сэма в конце июля. Нет, ждать слишком долго: может, я сумею устроить это на Рождество. Я представила, как мы смотрим на огни на Оксфорд-стрит, катаемся на коньках у Сомерсет-Хауса, прячемся от жгучего мороза в кино. Мы могли бы остановиться в чудесном отеле... Я решила уладить этот вопрос немедленно.

– Спасибо, Элен. Хорошая мысль. Мы могли бы устроить это в декабре.

В зал ожидания, широко шагая, вошла распорядительница и объявила:



– Леди и джентльмены, посадка сейчас начнется.

Мы с Элен встали и присоединились к толпе людей, потянувшихся к дверям. Мы кивнули нескольким знакомым лицам – пожилым мужчинам в костюмах, а я улыбнулась незнакомой женщине лет сорока, – она была в короткой юбке, жакете с ярким узором и заколкой в волосах виде цветка. Она непременно из дизайнеров или писателей. Элен говорит, что подобные люди делают поездку в поезде интересней.

Мы сели в вагон в 10:30, хотя поезд тронется только около двенадцати. Начальница поезда, которую я никогда прежде не видела, молодая серьезная женщина со светлым конским хвостом, проводила нас в наши купе, находившиеся в вагоне F, в пяти купе друг от друга. Я быстро распаковала самые необходимые вещи, положила пижаму на койку и туалетные принадлежности рядом с откидным клапаном, закрывающим раковину, затем взяла сумочку и направилась прямо в вагон-салон.

Элен уже сидела там, откинувшись в одном из роскошных больших кресел и листая свежую газету. Двое мужчин в костюмах расположились за соседним столиком, а другие пассажиры просто проходили через салон.

– Я взяла на себя смелость заказать наши обычные напитки. Они еще не готовы, но наш заказ будет первым.

Я уселась напротив нее и сказала:

– Отлично. Спасибо, Элен.

– Не за что. Первый напиток. Начало уик-энда. Я редко пью в Лондоне. Джин-тоник, который подают в поезде, – это нечто особенное.

– В самом деле? Я теперь пью большую часть вечеров в Лондоне. Мне приходится. – Я подумала об Оливии и наших отношениях. Мы постоянно ошетикиваемся друг на друга. Я стараюсь сглаживать острые углы каждый божий день, но это раздражает ее еще больше. Пожалуй, на следующей неделе я попробую решать наши конфликты более жестко.

– Я знаю, милая.

– Добрый вечер, дамы.

Мое сердце подскочило, но я ничем не выдала своих эмоций. Сохраняя нейтральное выражение, я слегка подвинулась, и Гай сел рядом.

Я прошла мимо Гая в коридоре поезда во время первой поездки в Лондон, накануне первого рабочего дня; я первая заговорила с ним, когда Элен представила нас друг другу в зале ожидания Паддингтонского вокзала в ту пятницу. Он красив такой красотой, которую не пропустишь, в духе актера Клуни: он из тех людей, которые прекрасно вписываются в средний возраст. Он также превосходен как компаньон.

– Ты опоздал, приятель, – заметила Элен. – Мы было подумали, что ты нас подвел.

– Извините, – отозвался Гай. – Пришлось задержаться по работе. Вы уже заказали? Бьюсь об заклад, меня вы обошли. У нас была прощальная вечеринка по случаю увольнения сотрудника с работы. Шампанское и все прочее, в каком-то дурацком винном баре возле Лондонского моста. Был рад поводу улизнуть пораньше. – Он улыбнулся Элен, затем мне. – Я предпочту воду с печеньями в зале ожидания с вами шампанскому в винном баре с моими коллегами. Вы это знаете.

– Надеюсь, что так. – Элен встала и пошла добавить к заказу третью порцию. Пока она отсутствовала, Гай повернулся ко мне, и я старалась не наслаждаться слишком заметно его вниманием. Мы сидели так близко друг к другу, что наши ноги почти соприкасались, и я остро чувствовала краткость расстояния между нами. Волосы у него были густые и темные, с

проседью, а в уголках глаз – морщинки.

– Как прошла неделя? – поинтересовался он. – Ты еще не переезжаешь от своей сестры?

– Подумываю об этом, – ответила я. – Господи, это звучит жалко, но я уже на шаг ближе, и это все, на что я способна на сегодняшний день.

Это ужасно странно, но я могла быть сама собой с Гаем и Элен в поезде, как не могла ни с кем другим и ни в каком другом месте. Если бы я познакомилась с ними в любой другой ситуации, мой внутренний сторож был бы начеку. Здесь же, в поезде, он спал. Я могла рассказать им обо всем и действительно так делала. Я даже подумала, не рассказать ли Гаю о своей таинственной дрожи на вокзале, но решила сдержаться.

– Что ж, тогда это прогресс, – кивнул он. Потом снял пиджак, повесил его на пустое сиденье рядом с местом Элен и закатал рукава.

– Так делает Барак Обама, – взглядом указала я на его голые руки, которые, как я заметила, мускулисты и волосаты как раз в нужной мере. Я быстро отвела глаза, мысленно улыбаясь. Это самый безвредный тип увлечения из всех возможных, учитывая, что оба мы благополучно состоим в браке.

– Как делает Барак Обама? – Судя по голосу, Гай заинтригован, а почему бы и нет?

– Снимает пиджак и закатывает рукава рубашки. Мне нравится, как это выглядит, только и всего.

– Серьезно? – Он посмотрел на свои руки, облокотившись на край стола. – Это производит впечатление на дам?

– На меня – да.

– Спасибо, Лара. Приятно узнать подобное. Не то чтобы я считаю возможным или собираюсь этим руководствоваться.

Вернулась Элен, а следом за ней уже знакомая мне служительница вагона-салона принесла поднос с тремя порциями джина с тоником.

– Спасибо, Сара, – сказал Гай, подмигивая ей. – Ты спасительница жизней.

– Пожалуйста, – ответила Сара. – Там еще много.

– Хорошо. – Я взяла один стакан и стала помешивать содержимое прилегающей пластмассовой палочкой.

– Ваше здоровье, – объявила Элен.

Мы чокнулись пластиковыми стаканчиками, и я немного расслабилась. Неделя выдалась сумасшедшая. Уик-энд будет, я надеялась, не таким трудным, каким оказался предыдущий. Мы оба чувствовали напряжение от того, что Сэм всю неделю с неослабевающим нетерпением ждал моего возвращения, и в прошлое воскресенье наши пререкания закончились слезами. Риск, что наши отношения вот-вот разрушатся, лишь увеличивался.

После третьей порции Гай, зевнув, откинулся на своем сиденье. Его колено невзначай прижалось к моему.

– Вы не находите, – начал он, глядя сперва на Элен, а затем, более долгим взглядом, на меня, – что иногда выходные – это почти такая же тяжелая работа, как та, что на неделе? В смысле, я приезжаю утром в субботу, чертовски измотанный, и начинается: «Папа, сделай это. Гай, сделай то. Почему такой невеселый? Почему такой нелюбезный? Наладь это. Пойди и купи то. Помоги нам с домашним заданием. Ты не представляешь, каково быть тут одной всю неделю, пока ты в Лондоне, ты мог бы хоть раз закинуть белье в стирку...»

– Нет, – тут же отозвалась Элен. – Джефф фермер. Вы это знаете. Наши заботы

совершенно другие. Ферма не закрывается на выходные, хотя он старается в это время работать как можно меньше, чтобы мы могли больше пообщаться. Я обожаю уик-энды. Однако нас только двое, и я не знаю, как протекали бы выходные, если бы были дети. У нас нет споров по поводу того, кому стирать. Так что отдых проходит отлично.

Оба повернулись ко мне.

– М-м. – Джин, а затем вино расслабили меня. – По мне, это трудно, – призналась я, стараясь смотреть на Элен, потому что Гай меня смущал. – Вы знаете, ездить на работу я начала совсем недавно. Но на выходных я должна искриться весельем, быть любящей и очаровательной. Если это не так, если у нас не получается солнечный, прекрасный уик-энд, на меня начинают обижаться. Прошлый уик-энд был адским. Вам, впрочем, это известно по тому, в каком настроении я возвращалась в Лондон на воскресном поезде. Я не могу винить Сэма за это: с его точки зрения, у меня напряженная работа, в остальное время мне приходится уживаться с моей чертовой сестрой, а потом я еду на этом поезде... Сэм ведь понятия не имеет, как мне здесь весело и что я полночи просиживаю за напитками. Поэтому он думает, что я креплюсь изо всех сил – что правда – и томлюсь по нашей тихой жизни в Корнуолле – что, боюсь, совсем не так.

– Он, вероятно, живет ожиданием момента, когда ты вернешься, Лара, – заметил Гай. – Что у него за работа? Он ходит в паб? У него есть какая-то своя жизнь? Или же он сидит всю неделю, глядя на часы, вздыхает и считает минуты на пальцах?

– Да, – согласилась Элен. – Я заинтригована твоим Сэмом. Ты не можешь попросить его привезти тебя на станцию в воскресенье, чтобы мы на него посмотрели?

Это вызвало у меня смех.

– Но вы же оба едете от Пензанса. Если он будет стоять на платформе, вам очень повезет, если вы увидите его краем глаза из окна.

– Нет, – возразил Гай. – Мы будем у дверей, в ожидании твоей станции, и, как только поезд остановится, мы откроем дверь и выпрыгнем на платформу, чтобы помочь тебе внести багаж. Мы оба. Маленький двойной рыцарский акт.

– Вы его ошеломите.

Элен кивнула:

– Я так и подумала. Тогда продолжай. Какой у него характер? Как вы с ним познакомились?

– Он славный. – Я произнесла это твердым тоном, поскольку их раззадоренное любопытство в отношении Сэма заставило меня почувствовать себя предательницей. Я отодвинула свою ногу от ноги Гая, и он не предпринял попытки восстановить контакт. – Очень славный. Он самый прелестный человек в мире, и если что-нибудь из сказанного мной заставляет вас думать иначе, тогда это моя глупая вина. Я познакомилась с ним, когда мне было двадцать четыре года. Двенадцать лет назад. До этого я немного путешествовала по Азии. Дело в том... – Меньше всего мне хотелось рассказывать о времени, проведенном в Таиланде, поэтому я прикусила губу и резко пресекла эту тему. – Я вернулась и уже тогда выкинула из головы всякую ерунду. Я была готова остепениться, обосноваться как положено. В сущности, я жаждала стабильной, устоявшейся жизни. Специальность, которую я получила, была связана со строительством объектов недвижимости. Мой крестный, лучший друг отца, помог мне получить работу. И советовал не засиживаться без дела в родительском доме. Я начала работать и усердно трудилась. Сняла маленькую квартиру-студию, затем купила дом. И повстречала Сэма.

– Ты тогда уже не ладила со своей сестрой? – поинтересовалась Элен.

– Всегда не ладила, – ответила я. – Она жила в той же самой квартире, где и сейчас, еще когда была на своей первой работе, занималась связями с общественностью. Я всегда считала, что она самый неподходящий для этого дела человек. Человек, который с удовольствием даст тебе понять, что он тебя не любит. Но оказалось, так она себя ведет только со мной. Она блестящий профессионал по налаживанию полезных связей со всеми остальными. Ну так вот. Наш отец посоветовал мне купить себе жилье, как только смогу, и я приобрела маленький домик в ленточной застройке в Баттерси. Опять же, это кажется невозможным сейчас, десяток лет спустя, но я это сделала. У меня была работа, ипотека, друзья, и не хватало только бойфренда. Не то чтобы я так в нем нуждалась, но мне отчаянно хотелось.

– И ты встретила его?..

– И я встретила его. В кафе в Сохо. Все произошло как в кино. Был субботний день, ближе к вечеру, на улице лил дождь как из ведра, а я пряталась от него, сидя с каким-то напитком – по-моему, это был кофе, – жалея, что вообще поехала в город. У моих ног стояло несколько сумок с покупками, и я подумывала пойти в кинотеатр «Курзон» и посмотреть там все равно что, просто потому что он был поблизости, а мне хотелось посидеть где-нибудь пару часов в тепле и сухости и чтобы мне никто не докучал. Кафе было битком набито, все окна запотели. Я сижу у окна и нахожусь в настолько плохом настроении, что, сама того не замечая, рисую на запотевшем стекле. Когда кто-то вежливо спрашивает, можно ли сесть за мой столик, у меня это вызывает настоящую досаду. Я хочу сказать «нет», но знаю, что вынуждена сказать «да». А потом я смотрю на него. Это трудно объяснить, а может, и нет, вы поймете, друзья, потому что у вас у обоих тоже есть давнишние партнеры. Я просто поняла, как только его увидела, что он тот человек, которого я ищу.

– Любовь с первого взгляда?

Я бросила быстрый взгляд на Гая, задаваясь вопросом, не подкалывает ли он меня, но, кажется, нет. Его колено задело мою ногу, затем отодвинулось.

– Не любовь. Чувство безопасности. Уверенности. Убежденность с первого взгляда, что это человек, с которым я готова провести свою жизнь, недостающий кусок головоломки. И таким он и был. Он высокий, массивный, а мне нравится и то и другое. Светло-русый, со щетиным подбородком. Красивые глаза. И дух... м-м... правильности. Он сел рядом со мной, посмеялся над тем, что я нарисовала на окне.

– А что это было? – спросила Элен.

– О, детская картинка. Домик с четырьмя окнами и дверью и дерево рядом с ним, и, кажется, там была еще фигурка человека, несоразмерная по отношению к дому.

– Наверно, это было нарисовано в перспективе, – подбодрил меня Гай. – Человек, вероятно, находился ближе к зрителю.

– Точно. Спасибо. Так что мы смотрели на эту картинку, я пила свой эспрессо, а он снимал ложечкой пену со своего капучино, и мы вместе пошли в кино и посмотрели шикарный фильм Альмодовара. Потом пошли пообедать. Мы были вместе. Вот так.

– Ему тоже было двадцать четыре?

– Двадцать восемь. У него прежде была девушка, конечно. Они разошлись полугодом раньше. Мы оба оказались в нужном месте. Через пару лет мы поженились.

– О, – вздохнула Элен. – Я слишком цинична для свадеб, это точно. Они меня бесят, как не знаю что. Весь этот подспудный мужской шовинизм, передача женщины от одного

мужчины к другому. Однако я должна отступить от собственной традиции, Лара, и сказать: держу пари, ты была самой сногшибательной невестой. Как по-твоему, Гай?

У Гая был странно неловкий вид.

– Ну, – помялся он, поигрывая пластиковым стаканом. – Учитывая, что Лара одна из тех женщин, которая будет выглядеть красивой даже в мешке для мусора, я уверен, что она в самом деле была ослепительной невестой.

Я быстро продолжила:

– Это звучит как сказка со счастливым концом, но, конечно, это не так. Ребенок так и не родился. Мы переехали в Корнуолл, а теперь я занимаюсь вот этим, а он сидит дома в ожидании. Он хочет усыновить ребенка, а я – нет. Гай, отвечу на твой вопрос: нет, он не ходит в паб. У него есть друзья на работе, но не близкие. Ему нужна я.

– И больше никто? – удивилась Элен.

– Только еще один человек, или два, или три, но они, как оказалось, никогда не родятся. Сэм живет ради выходных. По крайней мере я абсолютно уверена, что это так. Возможно, конечно, что он развлекается каждую ночь с разными женщинами, или ходит в стриптиз-клубы, или еще что-нибудь. Но на самом деле я в этом сомневаюсь.

– Да, – согласился Гай. – Я тоже сомневаюсь. Что ж, надеюсь, ты проведешь хороший уик-энд, Лара. Надеюсь, он окажется не слишком напряженным.

– А вы, мистер Томас? – обратилась Элен к Гаю. – Как продвигаются ваши поиски работы? Вы же вроде бы ищете что-то поближе к дому?

Он рассмеялся:

– Да. Должен искать. Вроде бы. Собираюсь перейти к новому раунду поисков. Еще по одной, дамы?

– Почему бы нет? – Я была готова сидеть так всю ночь, выпивая со своими новыми друзьями. Мне бы следовало пойти спать, чтобы в субботу быть свежей и энергичной. Однако я решила, что еще одна порция не повредит, а затем мне придется купить еще одну, потому что подойдет моя очередь платить. После этого я определенно пойду спать.

В два часа ночи я нетвердой походкой отправилась к своей постели, поцеловав на прощанье Элен и Гая. Элен крепко меня обняла, Гай быстро прикоснулся губами к моим губам, затем взял меня за плечи и посмотрел в глаза. Я осознала, что мои руки находятся на его поясе, и оставила их там, потому что мне очень нравилось ощущать его тело.

Я смотрела в его карие глаза. Он смотрел в мои. Никто из нас ничего не говорил. В этот момент мы могли бы поцеловаться по-настоящему, но как раз в тот миг, когда, по моему мнению, это могло бы случиться, я отстранилась.

– Спокойной ночи, – быстро проговорила я.

Гай тихонько усмехнулся и отступил на шаг.

– Спокойной ночи, Лара. Спи крепко.

Это все химия, говорила я себе, лежа на спине и чувствуя, как поезд, подсакивая на рельсах, везет меня на запад. Это все феромоны и тому подобное. Ничего больше. Я замужем, он женат, а влечение к кому-то на стороне время от времени случается. Просто надо это осознавать и стараться держать все под контролем.

К тому времени, как я заснула, почти уже пришла пора вставать и притворяться, будто ничего особенного не произошло.

Было ясное корнуоллское утро, и когда я сошла с поезда на платформу, свежий ветерок ударил мне в лицо и взъерошил волосы. Сегодня утром у меня хватило сил лишь слегка пригладить их рукой.

Я озиралась, ожидая увидеть Сэма, хотя велела ему остаться дома и приготовить кофе. Голова у меня кружилась от выпитого накануне алкоголя, а перед глазами все плыло. Я знала, что выгляжу ужасно – лохматая, без макияжа и во вчерашнем рабочем костюме – единственная вещь, которая оказалась под рукой.

Прошлой ночью я чуть не поцеловала Гая. Я оглянулась на стоящий поезд, надеясь увидеть в окне его лицо, но его там не было. На платформу сошли другие люди, большинство из них с такими сумками, с какими ездят на работу, мало кто с отпускными чемоданами. И мне вдруг захотелось расспросить каждого из них о жизни, узнать, кто еще наломал в ней столько дров, сколько я.

Серо-черный камень станционных зданий в Труро освещало яркое осеннее солнце, и они казались почти ослепительными. Я улыбнулась, глядя на крохотную станцию. Это крупнейший в Корнуолле транспортный узел, и в то же время по размеру составляет лишь малую частицу Паддингтонского вокзала или любого другого вокзала в Лондоне. Он едва ли достигает размера станции метро: тут всего две с половиной платформы, два моста, маленький кассовый зал, нелепая система турникетов и филиал кафе «Пампкин».

Фалмутский поезд отошел в 7:14, через восемь минут. Я повернулась и пошла к маленькой платформе № 1, стараясь подавить дурноту и приготовиться к возвращению домой, чтобы быть там такой женой, какую Сэм заслуживает. Мне следовало надеть подходящую одежду. На следующем поезде я, по крайней мере, приведу в порядок волосы и постараюсь нанести тональный крем.

Лондонский поезд со спальными вагонами отправился дальше на запад. Я снова взглянула на него, но Гая так и не увидела.

Между нами ничего не произошло. Это был просто некий момент или вечер моментов, который завершился ничем. Все прекрасно.

Станция «Фалмутские доки» в конце ветки находится прямо под нашим домом. Я смотрела вверх, пока мой маленький поезд, везущий меня и, насколько я могла видеть, еще двух человек: женщину с ночного поезда и молодого мужчину, севшего в Пенрине, – приближался к станции. Сэма на платформе я не заметила. Я бы хотела, чтобы он ждал меня дома с завтраком.

Я сошла с поезда и беззвучно вскрикнула, потому что Сэм схватил меня в охапку и крепко прижал к себе. Я едва могла вдохнуть и со смехом попыталась отстраниться.

– Привет, Сэм, – сказала я, надеясь, что от меня не пахнет выпивкой. Сам же он выглядел свежим: только что принял душ и побрился. Я заставила себя наслаждаться исходящим от него ощущением близости и надежности. Мне ведь повезло, что этот человек здесь и ждет меня.

– О, Лара. – Сэм зарылся носом в мои волосы. – Ты вернулась, родная. Теперь мы можем пару дней побыть вместе. Солнышко светит, специально для тебя.

– Да, – улыбнулась я. – Я вернулась. Идем. – Я взглянула вверх, на дом, уродливый и

надежный, и порадовалась своему возвращению. Действительно порадовалась. – Там, наверху, найдется немного кофе?

– Да! Найдется!

– Чудесно! Пусти меня к нему.

Мне показалось, что моя последняя фраза немного расстроила Сэма.

– Конечно, – пробормотал он. – Тогда идем. Давай напоим тебя кофе.

Мы вместе шли через автостоянку, Сэм вез мой чемоданчик на колесиках.

– Как прошла неделя? – спросила я странно официальным тоном. – На работе и вообще?

И что ты делал по вечерам?

Мне приходилось задавать эти вопросы, хотя мы разговаривали по телефону каждый день.

– Все хорошо, – ответил он, поднимая мой чемодан, чтобы перенести его через ступеньки, которые идут от станционной парковки к нашему дому. – Хотя, признаться, мне было феноменально скучно. Ты ведь не можешь задержаться на своей работе дольше, чем предусмотрено твоим полугодовым контрактом, любимая, правда? Я не могу без тебя. Понимаешь, едва я завижу, как твой поезд въезжает на станцию, все становится прекрасно. А без тебя мне так тоскливо. Мы ведь созданы друг для друга – всегда так было. Я ненавижу спать один в кровати. И ненавижу сидеть и играть сам с собой в скраббл в телефоне.

Я против воли рассмеялась.

– Так вот чем ты занимаешься? Играешь сам с собой в скраббл в телефоне?

– Знаю! Типичное мужское поведение, да? – Сэм остановился, повернулся ко мне и закусил губу. – Знаешь, что самое плохое в этом? Почему я тетешкаюсь с телефоном? Потому что это дает мне законную причину держать его в руке и смотреть на него. Потому что единственное, чем я по-настоящему занимаюсь, – это жду твоего звонка.

– Сэм! Скажи мне, что это неправда!

– Ладно. Это неправда.

– Но ведь это правда. – Мне захотелось отпрянуть от него, однако я знала, что не должна этого делать.

– Как прошла ночь на поезде? Ты выглядишь усталой.

Сэм открыл нашу входную дверь. Я смотрела ему в спину и представляла выражение боли, которое появилось бы на его лице, признайся я, что устала, поскольку пила джин и вино до двух часов с новыми замечательными друзьями и довольно подробно обсуждала его. И, кстати, красивый мужчина прижимал свое колено к моему колену, и мне это нравилось. Потом я его чуть не поцеловала.

– Я всегда плохо сплю в поездах, – сказала я вместо этого.

– Я знаю. Бедняжка. Мы могли бы подумать о самолете, если захочешь.

– Нет, мне нравится поезд, правда. Честное слово. Немного кофе, и я буду в полном порядке. И завтрак. Не смогла сегодня впихнуть в себя тамошний круассан. Умираю с голоду.

– Ну, это хорошо, потому что я собираюсь приготовить тебе лучший завтрак в твоей жизни, – улыбнулся Сэм.

Я положила сумочку, сняла жакет и направилась к кофемашине налить себе чашку. Я дома.

В тот день мы пошли в один из пабов в городе. Погода все еще стояла солнечная, но заметно похолодало, с Атлантики дул ветер. На мне была моя корнуоллская униформа,

состоящая из джинсов в обтяжку, белого в синюю полоску топа и куртки, которую я купила в Нью-Йорке пять лет назад, прежде чем мы извели все наши деньги на бесполезное лечение от бесплодия. Сэм выглядел с головы до пят истинным корнуоллским рабочим судостроительного завода – в своей объемной уютной флисовой куртке, джинсах и грубых ботинках на толстой подошве, опять-таки приобретенных несколько лет назад, когда у нас еще водилась свободная наличность.

– Твое здоровье, – сказала я с лучезарной улыбкой, поднимая свой коктейль из водки с кока-колой. В коктейле не хватало только энергетика «Ред Булла», но он мог бы вызвать неодобрительные взгляды, поэтому я просто впихнула в один стакан предельное количество стимуляторов. От алкоголя я почувствовала тошноту, поскольку еще не прошло похмелье, но подавила это ощущение, и вскоре мне стало в миллион раз лучше.

– Лара!

Я обернулась, благодарная любому, кто там может оказаться, и увидела Айрис. Мы не встречались с тех пор, как она пришла к нам на чай и я ее выставила. Мне до сих пор было неловко из-за этого.

– Привет! – Я похлопала по деревянной скамье рядом с собой. Мы с Сэмом сидели, конечно, бок о бок за громадным круглым деревянным столом. Свободными оставались гигантская часть стола и километры скамейки. – Иди садись. Сэм, ты помнишь Айрис?

– Да, – ответил Сэм, и его интонация граничила с грубостью. – Как поживаете?

– Да так... – пожала плечами Айрис. Она выглядела более эксцентрично, чем обычно, или, возможно, казалась такой мне, уже привыкшей к лондонскому корпоративному стилю. На ней были полосатые колготки, крохотная бархатная юбочка, в которой, должна признать, она держалась великолепно, и пушистый свитер. Ее волосы по-прежнему оставались темными у корней и светлыми на концах, они были свободно распущены и ниспадали на спину. – Прекрасно, – добавила она. – Как ты? Ты ведь сейчас работаешь в Лондоне?

– Да, верно. – Мне не хотелось вдаваться в детали. – Приехала на выходные. Что у тебя? Чем занимаешься?

Она улыбнулась:

– О, ничего особенного. Работаю. Сажу дома со своими кошками. Танцую вокруг плиты. Ничего интересного, в отличие от тебя.

Я вспомнила, что у нее есть бойфренд, которого она описывала как затворника, и что оба они редко покидают дом.

– Как твой партнер? – поинтересовалась я.

– Отлично, спасибо. С ним все в порядке. Вообще-то я скучаю по Лондону. Время от времени.

Сэм возмущенно фыркнул:

– Ну уж! Вы живете здесь, в лучшем месте на свете.

– Я знаю. На расстоянии легко скучать по городской жизни. А что, Сэм, должно быть, вы рады, что Лара снова с вами?

Он кивнул:

– Конечно.

– Не буду вам больше мешать, – сказала Айрис, вставая. – Оставлю вас наедине друг с другом.

– Ты уверена? – спросила я. – Выпей с нами.

Сэм тоже поднялся.



– Что мне вам принести? – осведомился он тоном, ясно говорившим о его желании избавиться от Айрис.

Она подхватила намек и театрально махнула рукой:

– Абсолютно исключено. Но все равно спасибо. Мне в любом случае пора идти. Не могу снова напиться, я же на велосипеде. Приятно отдохнуть. Наслаждайся Лондоном. А если когда-нибудь окажешься в Будоке, заходи ко мне.

– Спасибо, – произнесла я и стала наблюдать, как она пробирается сквозь толпу и исчезает. Мне было жаль, что она оказалась здесь без парня: они могли бы посидеть с нами, мы бы вместе выпили, и это убавило бы напряженность происходящего между мной и Сэмом. Мы посидели бы как нормальная пара, с друзьями.

– Наслаждайся Лондоном? – недоуменно уточнил Сэм. – Странное высказывание.

– О, она просто хотела проявить учтивость. Послушай, Сэм, ты не хочешь приехать в Лондон в какой-нибудь из уик-эндс? – Идея устроить ему рождественскую поездку вдруг перестала казаться удачной. – Мы могли бы посидеть за коктейлем, сходить в театр «Глобус» и все такое. Остановиться в симпатичном отеле. Прогуляться по магазинам. Так что, ты не против?

– Хм-м. Можно.

На самом деле было заметно, что эта затея ему ненавистна.

– Не беспокойся. Это была просто мысль.

Он поднял глаза.

– Ну вот, снова-здорово. Проклятье. Эдриан.

Возле нашего стола появился человек в бледно-голубом джемпере с V-образным вырезом.

– Это вы! Приятно видеть вас здесь. Привет, Лара. Спасибо, что вернула улыбку на лицо Сэма. А то он мрачнее тучи с тех пор, как ты уехала.

– Я не уезжала, – возразила я. Мне никогда не нравился этот человек, один из коллег Сэма. – Как видишь, я здесь.

– Да-да, но он всю неделю ходит с постной физиономией. Скучает по жене. Как это славно. Мы, остальные, ухватились бы за такой шанс – ты понимаешь, что я имею в виду, – но не наш Сэм. У тебя хороший муж.

– Я знаю, – сказала я и отвернулась, не пытаюсь притворяться вежливой.

– Да, – кивнул Эдриан. – Что ж. Приятных выходных. Желаю вам хорошо повеселиться вместе. Вы понимаете, что я имею в виду.

Как только он оказался вне зоны слышимости, я сказала:

– Этот человек такой придурок.

Сэма, похоже, мои слова задели.

– Знаешь, вообще он неплохой. Они с женой постоянно приглашают меня на обед.

– Тогда тебе следует сходить. Раз он тебе нравится.

Я смотрела, как чайка опускается на недавно освободившийся стол рядом с нашим и клюет чипсы из разорванного пакета, который тотчас сдул ветер.

– Нет. Он не нравится тебе.

– Меня там не будет.

– Ты хочешь, чтобы я постоянно был занят?

Я посмотрела Сэму в глаза.

– Конечно, я хочу, чтобы ты был занят, идиот. У меня в Лондоне нет ни минуты

свободной. Затем вдруг наступает пятница. Я хочу, чтобы у тебя было то же самое. Так легче переносить разлуку.

Сэм взболтнул свою пинту пива, и небольшое количество выплеснулось через края бокала ему на руку. Наблюдая, как он его слизывает, я испытала облегчение, потому что во мне наконец проснулась нежность.

– Пойдем сегодня вечером в кино? – предложила я, вспоминая тот день, когда мы познакомились.

– В кино? – Сэм задумался. – А там что-нибудь есть?

– Что-нибудь будет.

– А мы можем себе это позволить?

– Да. Теперь можем.

– Ты уверена? Меньше всего нам нужно, чтобы ты ездила на работу, а мы транжирили эти деньги и снова оказались в той же яме.

– Сэм. Мы все это уже обсуждали. Мы ведь даже не собираемся ужинать в более дорогих местах, чем «Харбор Лайтс», пока долги не погашены. Но мы можем себе позволить потратить – сколько там? Пятнадцать фунтов? – чтобы посмотреть фильм. Еще несколько фунтов на выпивку, чтобы взять туда с собой. Все нормально.

Мне стало холодно в легкой куртке, и я подумала о деньгах, которые трачу в Лондоне, даже не замечая. Во вторник уже наступит первое ноября. Весь октябрь погода неистовствовала: пять минут солнечно, затем вдруг начинается град, потом опять солнечно. Живя во Фалмуте, я всегда видела радугу на небе. Они, должно быть, случаются и в Лондоне, но там я их никогда не замечала. Всегда вид загоразивало какое-нибудь здание, или что-нибудь более интересное происходило на уровне глаз.

– Холодно? – спросил мой муж, и я кивнула. – Пойдем домой.

– Уже прошел месяц, – напомнила я Сэму по пути. Мы решили срезать путь через пристань для яхт, пользуясь пятизначным кодом, чтобы пройти в тяжелые металлические ворота. Ходить здесь, разумеется, нельзя, но всякий раз, когда они меняли код, Сэм узнавал новый на работе, и мы постоянно пользовались им, чтобы быстрее добраться до дома. Это сберегало несколько минут, к тому же было всегда интересно: сегодня, к примеру, на деревянном причале собралось несколько просто одетых, но явно богатых людей, суетившихся вокруг маленькой, но великолепной яхты. Они обернулись, когда за нами захлопнулись ворота, и приветственно помахали. Если мы располагаем кодом от пристани, значит, принадлежим к их кругу и достойны приветствия. Мы прогрохотали ботинками по металлическому мостику, и по другую его сторону, как всегда, оказалась лужа, которую пришлось аккуратно обойти.

Когда за нами с лязганьем закрылись вторые тяжелые ворота, Сэм взял меня за руку. Мне нравилось это ощущение. Несмотря на все, мы физически по-прежнему подходили друг другу, как и всегда. Я вдруг поняла, что все у нас будет хорошо. Ему плохо без меня, но Сэм скучает не просто по мне – что выглядело бы жалко в мужчине, приближающемся к сорокалетнему возрасту, – но и по семейной жизни, которой он лишен. Мы никогда не говорили об этом, но я знала, что воображаемые сцены из той несостоявшейся жизни подстерегают его на каждом шагу. Я представила себе, как он сидит вечером дома, вероятно, с миской хлопьев для пудинга, перед включенным телевизором. Уголком глаза он видит серьезного четырехлетнего малыша, который бы у нас был, если бы все сработало так, как

мы беспечно надеялись, пока не потеряли надежду. В самой маленькой спальне внизу спит малютка, а двухлетка и четырехлетка делят между собой спальню побольше.

Вместо этого Сэм совершенно один. Мы в последнее время не говорили об усыновлении, но я знала, что он постоянно о нем думает. Но пока я хотела избежать этой темы.

– Закажем пиццу? – произнесла я бодрым голосом, пытаюсь не показать, что мне отчаянно требуется еда, нейтрализующая похмелье. Сэм стоял в теплице, которая отходит от дома, чуть выдаваясь над склоном горы, и в зависимости от моего настроения заставляет меня чувствовать, что я либо вишу над пропастью, либо волшебным образом парю над всем миром. Муж смотрел вдаль, через доки и воду, на особняки по другую сторону эстуария, туда, где город огибал устье реки Фал.

Сэм не ответил. Я подошла к нему. Он, не оборачиваясь, обнял меня за плечи.

– Мы здесь не можем заказать пиццу из «Домино», – сказал он в ответ на мой выжидающий взгляд, будто заставляя себя переключиться с каких-то своих далеких мыслей на меня. – Это твой единственный вечер дома. Мы уже сходили в кино. Чем хочешь заняться теперь? Я мог бы что-то приготовить на ужин. Или мы могли бы снова куда-то пойти.

Мы оба стали смотреть вдаль. Пенрин<sup>[22]</sup> частично застилала темно-серые тучи, а это означало, что там ливень. На переднем плане мачты и здания, теснившиеся вокруг гавани и освещенные ярким солнцем. Солнечный свет придавал картине вид эффектного художественного полотна эпохи Ренессанса. На секунду я почувствовала, что нахожусь на холсте какого-нибудь старого мастера из Национальной галереи, где фигура на переднем плане помогает четче выделить задний план.

– Давай останемся дома и не будем мокнуть, – ответила я, зная, что именно это Сэм хочет услышать.

Он улыбнулся:

– Правильное решение. Я сейчас что-нибудь сооружу, а ты можешь пока просто поболтать со мной. Затем, если хочешь, сыграем в «скраббл».

Я подавила смех. Это звучит до жути скучно, но я люблю «скраббл» и всегда любила.

– Это будет идеальный вечер, – произнесла я – и сейчас наконец искренне.

– Лара! Бесспорно, ты была феноменально убедительна, – улыбнулся мне Джереми. – Спасибо. Видишь? Вот почему нам пришлось вытащить тебя обратно из глухомани Девона.

– Корнуолла, – тихо напомнила я. Он проигнорировал мою поправку, качая головой и улыбаясь сам себе.

– Знаешь, Лара, мы ни в коем случае не позволим тебе уйти после шести месяцев.

Я вышла с работы, чувствуя себя счастливой. Вот, думала я, где по-настоящему мое место. Вот то, что у меня хорошо получается. Мне нравится моя работа. Я не спала полночи, готовясь к сегодняшнему дню, и не зря. Именно Джереми принял меня на работу над этим проектом, и от его похвалы я почувствовала прилив счастья. Самое главное, я знала: он доволен не напрасно. Я отправилась на собрание сделать доклад о нашей застройке, выступила в зале, полном людей, которым претит само понятие элитных квартир, и всех их уболтала. Теперь мы привлекли на нашу сторону значительную часть местной оппозиции.

У меня даже смягчились чувства по отношению к Оливии. Я ей об этом расскажу, дала я себе слово. Сегодня вечером меня ждут дела, но завтра я сообщу ей, что собираюсь съехать с ее квартиры и найти собственное жилье.

Я направилась прямиком в ресторан. Переодеваться нет нужды, но перед уходом с работы я заскочила в туалет и вытащила из волос шпильки. В распушенном виде они короче, чем кажутся, спускаются лишь немного ниже плеч. На минутку я, как ребенок, примерила на себя челку: взяла прядь волос и приложила ее надо лбом так, чтобы концы свободно свисали. Выглядело отвратно.

Но вот волосы расчесаны и блестят, и я заколола их наверх. Собранные в пучок шевелюра стала важной чертой моего стиля, все прочее теперь выглядело странно. Я начала делать такую прическу, когда только пошла работать. Мне было едва за двадцать, а подобная укладка придавала ощущение взрослости, и с тех пор я ей не изменяла. Закрутить волосы узлом на затылке и вставить в него шесть шпилек – это моя вторая натура. Пока я не работала, волосы лежали куда более небрежно; но сейчас я вернулась к старому стилю. Для меня было крайне важно выглядеть на работе безупречно, и я получала от этого огромное удовольствие.

Туфли, которые я надевала на работу, – мои лучшие, красные, на высоких каблуках, и я прекрасно умела в них ходить. Остальная часть моей экипировки скучна, как всегда, но туфли – это нечто особенное. У меня сейчас две красные пары плюс одна черная и несколько желтых. Люди заглядываются на мои ноги, и мне это нравится. Я долго тренировалась ходить на высоких каблуках – и дорожу этим умением. Сэм считает, что это нелепо, и он, без сомнения, прав. Однако это доставляет мне удовольствие.

Я заново подкрасила глаза и нанесла помаду, потом бросила косметическую салфетку с отпечатавшимися на ней темно-красными поцелуями в мусорный бачок. Потом быстро проверила содержимое сумочки: я всегда держала при себе наличные на всякий случай, и моя заначка постоянно увеличивалась. Я говорила себе, что этот неприкосновенный запас никогда не пригодится; но все равно он придавал чувство безопасности. Я никому не рассказывала об этом, потому что знала: это прозвучит безумно.

На протяжении многих лет меня преследовало ощущение, что я нахожусь в опасности.

Нельзя сделать то, что я сделала, и выйти сухой из воды. Его выпустили из тюрьмы, и однажды он придет, чтобы меня выследить. Потому что я единственная, кто улизнул.

Жаль, что я не могу рассказать об этом Сэму, или Гаю, или кому-то еще. Слишком поздно раскрывать свое прошлое Сэму, да он бы и не поверил, попытайся я это сделать. Я не могла поделиться и ни с кем другим, раз уж скрывала все от своего мужа. Я была в тупике.

Когда я находилась в Лондоне, мне мерещились следящие за мной глаза, чего никогда не было в Корнуолле. Я вновь и вновь велела себе не впадать в паранойю. И без того довольно проблем в моей реальной жизни, чтобы еще прибавлять к ним воображаемые.

Папа снова пригласил нас в «Пицца Экспресс». Из всех ресторанов в Лондоне этот его любимый. Он брал нас в «Пицца Экспресс» по любому возможному случаю еще с тех пор, как мы были маленькими, и сделал то же самое в мою первую рабочую неделю. Я хорошо повеселилась, тогда как Оливия, как я потом обнаружила, весь вечер оставляла сообщения в «Твиттере» с вариациями на тему «зевать» и «дремать», с хэштегом «семья».

Мы с Оливией имели обыкновение втихомолку жаловаться на папину ресторанный ограниченность. Стоны по поводу того, что приходится все время ходить в «Пицца Экспресс», давали нам немногочисленные моменты сестринской близости.

– Неужели нельзя сходить поесть карри? – бормотала Оливия.

– Но в индийском ресторане не готовят шарики из теста, – шептала я в ответ, чувствуя себя злобной и грешной.

– Я знаю! И он там никогда не получил бы своей любимой горячей пиццы «Американ Хот». А получил бы вместо этого... другую горячую еду. Более вкусную.

– Другая еда ему не нравится.

Вскоре все это переходило в короткие язвительные реплики, но теперь подобные разговоры пробуждали у меня счастливейшие детские воспоминания. Сегодня утром я попробовала опять проделать это с Оливией.

– Что, снова «Пицца Экспресс»? – сказала я, испытующе глядя на нее. – Мы там не были уже несколько недель.

Она пожала плечами:

– Если он платит, я – за.

Шторы были опущены. Они не поднялись ни разу, ни на миллиметр.

Я пришла туда первой. Молодая официантка улыбнулась, отметила заказанный нами столик у себя в плане и проводила меня к окну. Я присела и устремила взгляд на Шарлотт-стрит, задаваясь вопросом, во что обойдется мне маленькая квартирка в этой части Лондона, в Фитцровии<sup>[23]</sup>. Явно дороже, чем я могла себе позволить. Я попыталась представить, как сообщаю Сэму, что трачу (мне пришлось взять эту цифру из воздуха) полторы тысячи фунтов в месяц плюс муниципальный налог и счета на наем квартиры-студии в центральном Лондоне. О подобном и речи быть не могло.

Я обожала эту улицу, потому что она почти полностью уставлена ресторанами. Будь выбор за мной, мы бы пошли в индийский вегетарианский ресторан, который находится чуть дальше.

Я проверила свой телефон. Сэм пожелал мне удачи на сегодняшний вечер. Я быстро ответила и затем, когда нажала кнопку, чтобы отослать сообщение, заметила, как мимо окна проходят мои родители.

Встав, я нацепила на лицо широкую улыбку. Как бы мне хотелось расслабиться со своей

семьей, не натягивать на лицо маску, быть собой... Но я в гораздо большей степени являлась собой на работе, нежели в присутствии родных. Однако непринужденнее всего, вдруг подумала я, вела я себя, когда пила в ночном поезде по пути домой. Я снова вспомнила о Гае, но тут же прогнала мысли о нем.

– Вон она! – воскликнул папа.

Глядя на него, я, как всегда, заметила, как он постарел. В моей памяти он остается сорокалетним, и всякий раз, когда я его видела, мне приходилось ускоренно переносить сознание вперед, в сегодняшний день. Он высокий, широкоплечий, но теперь уже слегка сутулый. Волосы у него седые и чуть более длинные, чем следует – как мне кажется, потому, что папа старался сохранить прекрасную шевелюру, которой всегда гордился. Кроме того, у него появилась болезненная тучность, но мы никогда об этом не упоминали.

Его взгляд, однако, оставался таким же острым, как и раньше. Его глаза по-прежнему вселяли в меня страх. Я смотрела на него и страстно желала одобрения.

– Здравствуй, папа, – отозвалась я и поцеловала его в щеку.

– Лара, – улыбнулся он. – Ты выглядишь очень хорошо. Твоя сестра еще не подошла?

– Еще нет. Привет, мам.

Моя мать светловолоса и красива, но также непроницаема, непостижима и практически напрочь лишена материнских качеств. Я вообще редко о ней думала. На протяжении всей моей жизни она делала то, что велел ей папа. Я понятия не имела, что творится в ее голове или за закрытыми дверями их взаимоотношений. Она женщина, которая ходит по струнке. Я слегка ее презирала, тогда как Оливия пренебрегала ею грубо и открыто.

– Здравствуй, дорогая, – проронила она, и мы все сели.

Совершенно предсказуемо папа заказал бутылку «Монтепульчано д'Абруццо», его стандартный напиток в «Пицца Экспресс».

– Ты такая высокая. – Он наклонил голову и посмотрел на мои туфли. – Я так и думал! Как, скажи на милость, ты ходишь в таких штуках?

– Я к этому привыкла. Мне они нравятся.

Он покачал головой:

– Женщины! Твоя мать никогда не увлекалась подобными глупостями. Она начисто лишена гена под названием «женщины обожают обувь». Но тебе это хорошо удастся, дорогая.

– Ларе все удастся, – согласилась мама мягким тоном, который был присущ ей всегда.

– Это верно. – Отец улыбнулся мне. – Так что? Готова все бросить и убежать обратно в Корнуолл? Или попытаешься перетащить Сэма в город?

Я поджала губы, размышляя над этими словами.

– Мне очень нравится работать, – сказала я. – Сэм терпеть не может, что мне приходится уезжать на неделю. Но он не захочет переехать сюда. Пока я счастлива, но понимаю, что это эгоистично, поскольку Сэм совсем не счастлив. Я закончу работу и вернусь обратно в Корнуолл. Вероятно.

– Хм-м. – Папа посмотрел на меня своими пронзительными глазами, но дальше эту тему развивать не стал. – Кстати, Леон позже к нам присоединится, – добавил отец, и это подняло мне настроение.

– Извините, что опоздала. – Оливия заняла пустующий стул за нашим круглым столом. Стул этот стоял как раз напротив меня, между нашими родителями. Я посмотрела на нее, затем быстро отвела взгляд. Она что-то сделала со своими волосами, так что на макушке они торчали острыми шипами. В своей красной с белыми полосками блузке и обтягивающих

черных джинсах она выглядела как из магазина. Ее глаза были обведены темным карандашом, губы накрашены ярко-красной помадой.

– Оливия, – сказал папа. Он не встал, потому что она уже уселась, но нагнулся над столом и запечатлел на ее щеке неуклюжий поцелуй. – Рад тебя видеть. Выпей вина.

– Вообще-то, – произнесла она, – я возьму себе «Перони»<sup>[24]</sup>. Если это не запрещается.

– Конечно, не запрещается.

Оба замолчали, глядя друг на друга с особым, вызывающим выражением. Но пауза длилась недолго.

Теперь, с появлением Оливии, разговор стал натянутым. Папа счел уместным посмотреть на ее обувь и безмолвно сравнить ее обшарпанные, но в то же время крутые кеды с моими сияющими красными туфлями на высоких каблуках. Оливия ошетибилась. Мама быстро допила свое вино и начала с таким беспокойством поигрывать ножкой бокала, что опрокинула его и разбила. Отец сдержал ярость и подозвал официанта, чтобы тот убрал осколки. Я попыталась сгладить неловкость непринужденным разговором. Примерно в этом духе и протекала всегда наша семейная жизнь.

Ребенком я жила в постоянном состоянии повышенной тревоги. Я знала, что в глазах Оливии я была избранницей, а она, предположительно, была отверженной. Я получала отцовское одобрение, переполненная ужасом, что в один прекрасный день могу ненароком сделать что-нибудь кошмарно неправильное и мы с Оливией поменяемся ролями в его глазах.

Папа, однако, никогда не менял своего отношения. Он всегда любил меня, всегда одобрял то, что я делала, ценил мою работу, ему нравился мой образ жизни.

И никто, даже мама, не знал, что много лет назад я в одиночку выручила из беды его бизнес. Мы никогда не говорили об этом. Отец так мне за это и не оплатил. И никто, даже он, не знал, что если бы я его не выручила, то не чувствовала бы сейчас беспокойство всякий раз, когда мне кажется, что кто-то наблюдает за мной. Папа никогда не спрашивал, откуда появились деньги; я же всегда предполагала, что его интуиция подсказала ему, что лучше этого не знать.

Я всегда сознавала, что когда-нибудь возмездие меня настигнет.

Посмотрев на сидящую напротив меня Оливию, на ее капризные губы и надутое лицо, я почувствовала, будто мне снова четырнадцать лет.

В тот день я, как всегда, вернулась из школы домой. Я никогда нигде не задерживалась, а благоразумно шла домой со своими благоразумными подругами, потому что, хотя папа был на работе, именно такого поведения он от меня ожидал. Подойдя к дому, я обошла его вокруг и вошла внутрь, по обыкновению через заднюю дверь.

– Я пришла, – крикнула я и поставила на огонь чайник, собираясь, как примерная девочка, организовать чаепитие. Достала кружку и жестянку с чайными пакетиками. – Ты хочешь чашку чаю? – предложила я.

– Да, пожалуйста, – раздался откуда-то мамин голос. Мы жили в Бромли<sup>[25]</sup>, в доме, где по-прежнему живут мои родители, в уродливой постройке Эдвардианской эпохи<sup>[26]</sup>. Снаружи он выглядел небольшим, но внутри был странно огромным. Я сделала нам обоим чай и отнесла свою кружку на кухонный стол, где начала делать домашнее задание.

– Чай в кухне! – крикнула я. – Принести его тебе?

– Нет, дорогая. Я сейчас спущусь.

Оливия права: я, вероятно, была невыносимой. Я так отчаянно жаждала постоянного

одобрения, что никогда не рисковала совершить какое-нибудь преступление.

Мама спустилась, улыбнулась мне смутной улыбкой и взяла свою чашку.

– Все в порядке? – спросила она.

– Все прекрасно, – заверила я ее.

– Твоя сестра не появлялась?

Родители называют Оливию «моей сестрой», когда говорят о ней со мной. Однажды она сказала, что они просто не могут вынести ощущения близости от произнесения того самого имени, которое ей дали. Возможно, она права.

– Нет. Я ее не видела.

Я была двумя классами ее старше. Наши пути редко пересекались, а когда это все-таки происходило, мы тщательно игнорировали друг друга. Оливия обычно обреталась на задворках школьного участка, куря с друзьями. Меня, вероятнее всего, можно было найти в библиотеке.

– Лишь бы она явилась к пяти. Твой отец позвонил и сказал, что сегодня возвращается рано.

Мы обе посмотрели на большие часы, что висели посредине стены. Было четверть пятого. Никто из нас ничего не сказал.

Отцовский ключ повернулся в парадной двери без трех минут пять. Я еще делала домашнее задание, сидя с прямой спиной за столом в столовой, как пай-девочка, но мыслями была далеко. Я начала беспокоиться – не только по поводу отцовской ярости и ее последствий, но и о безопасности Оливии.

Он вошел, улыбаясь. В тот период ему было за сорок. И он был высок и силен, в расцвете лет. Даже легкая полнота его не портила.

Отец поцеловал меня в макушку.

– Делаешь домашнее задание? Умница. Что за тема? Не может ли твой старый папка тебе помочь?

Мы некоторое время обсуждали деление в столбик, потом он посмотрел на потолок, словно сквозь него мог увидеть, что происходит на втором этаже, и спросил:

– А где твоя своенравная сестра?

Оливии было всего двенадцать лет. Ей запрещалось чем-то заниматься после школы, кроме как идти прямо домой.

– Я точно не знаю. – Я не осмеливалась пытаться соврать ради нее.

– Она не дома?

– М-м. Не уверена. Не думаю.

– Виктория! – Викторией зовут мою маму. Это имя ей подходит. Ей требуется полное, несокращенное имя. Как и ее тетка, она редко бывает веселой.

Как только отец точно установил, что Оливия не вернулась из школы, он отправился прямо к своей машине. Через двадцать минут он вернулся, ведя за собой понурую двенадцатилетку.

– Отправляйся в свою комнату и сиди там, – услышала я его слова, обращенные к ней в грубой манере, когда они входили в дверь. – Но сначала ты должна увидеть вот это.

После этого они вошли ко мне в столовую. Оливия смотрела в пол – живое воплощение сумрачности.

– Мне нестерпимо, что приходится беспокоиться по поводу твоего поведения,



барышня, – сказал он ей. – Оставайся в своей комнате до утра, но, кроме того, – вот что станет последствием такого поведения. – Он вынул свой бумажник, открыл его и отсчитал пачку банкнот. – Это твои карманные деньги до конца года, Оливия. На оставшиеся девять месяцев, по двадцать фунтов в месяц. Сто восемьдесят фунтов. Почему я должен тебе платить, если ты ведешь себя подобным образом? Почему я должен давать тебе карманные деньги, когда ты игнорируешь даже простейшие правила? Конечно, я не стану этого делать. Лара же, напротив, после школы сразу пришла домой и начала делать домашнее задание. Как она всегда и поступает. Поэтому Ларины карманные деньги не только не уменьшатся, но я дам ей сверх того еще вот эти.

Папа положил деньги на стол рядом со мной. Помню, что я сидела и смотрела на них, зная, что ситуация еще никогда не заходила так далеко. Я не осмеливалась вернуть их обратно. Но и забрать их тоже не могла. Они лежали рядом с моими книжками по математике, словно раскаленные докрасна, и их невозможно было игнорировать.

Оливия повернулась и бросилась вон из комнаты, явно еле удержавшись от того, чтобы не хлопнуть дверью. Папа положил руку мне на голову, взъерошил волосы и сам тоже вышел из комнаты. Слыша, как Оливия с грохотом взбегаёт по лестнице, я знала, что она возненавидит меня за это навсегда.

И она действительно меня ненавидела. Не только из-за этого, но отчасти.

– Мне, пожалуйста, «Жардиньеру»<sup>[27]</sup>, – улыбнулась я официантке. – И можно нам водопроводной воды?

– «Жардиньера»? О нет, – фыркнула Оливия. – У них, наверное, есть твоя фотография, в каждом филиале «Пицца Экспресс», с надписью «Эта женщина за последние двадцать лет не отведала ничего, кроме «Жардиньеры». Незачем спрашивать, чего она хочет».

Сама она заказала новую пиццу, ту, что посередине с дыркой, заполненной салатом, просто чтобы продемонстрировать свою импульсивность.

– Всем добрый вечер.

Я подняла глаза, с радостным облегчением услышав голос крестного.

– Леон! – Я встала и обняла его. Он стоял прямо возле стола, прокравшись так, что никто из нас не заметил. Оливия больше меня не заботила. Леон – папин лучший друг из университета и, как ни странно, мой лучший друг. Он всегда проявлял ко мне сдержанный и в то же время дружелюбный интерес крестного. До тех самых пор, пока по-настоящему мне не понадобился. Тогда он оказал мне поддержку, какую никто другой никогда не оказывал. Леон – единственный человек, который все знал.

– Приятно тебя видеть, – тихо сказал он. – Все хорошо?

– Лучше теперь, когда ты здесь, – отозвалась я, ощущая на себе насмешливый взгляд Оливии. Леону, как и моему отцу, было лет шестьдесят пять. Но в отличие от папы, у которого все чаще бывает такой вид, будто у него вот-вот случится сердечный приступ, Леон с каждым годом выглядел все более стильным и здоровым. Его седые волосы, зачесанные назад, доходили почти до воротника, и одежда дополняла образ: он всегда одевался безупречно, а сейчас выглядел как шикарный мужчина, которого можно встретить в Париже или Милане. Оливия, судя по ухмылкам, отпускаемым ею всякий раз при упоминании его имени, думала, будто у нас был роман и, может, до сих пор длился. Она ошибалась, хотя никакие мои слова никогда не убедят ее в этом. Нас с Леоном связывали гораздо более прочные узы.

Он повернулся к остальным.

– Оливия, – произнес он с теплой улыбкой. – Сегодня ты выглядишь особенно стильно.

Она не ответила, но наклонила к нему голову – одна стильная особа к другой. Я села, а Леон поцеловал маму в обе щеки, обменялся рукопожатием с папой и поставил стул между мной и мамой. Она посмотрела на него с легкой улыбкой и, подхватив шарик из теста, начала разрывать его на крошечные кусочки. Папа заново наполнил все бокалы. В зале стоял гул голосов дружелюбно болтающих за столиками людей.

– Итак, как поживает семья Уилберфорс? – спросил Леон, обводя нас взглядом.

– Прекрасно, – быстро ответила Оливия, что для нее необычно. Она отставила свой бокал, и в этот момент я заметила, что он остался полным. – На самом деле есть кое-какие новости.

Я закрыла глаза. Уже по ее тону я поняла: то, что она скажет, мне не понравится. Через секунду она начнет рассказывать всем, почему я такой ужасный квартиросъемщик. Я буду вынуждена защищаться, и начнется побоище.

Она заметила мою реакцию.

– Лара, у тебя закрыты глаза. Я не собираюсь нападать на тебя.

– Знаю. Смотри, я их открыла. Так нормально?

– Господи. Послушай. Все послушайте. Это не что-то ужасное. У меня хорошие новости.

На другом конце ресторана кто-то что-то уронил, и весь зал на секунду замер, слушая звук бьющихся тарелок. Затем все вернулись к своим разговорам, персонал суетливо забегал туда-сюда, однако мы так и остались молча сидеть, уставившись на Оливию с явным страхом.

Она закатила глаза. Я догадалась, что именно сестра собирается сказать, за мгновение до того, как она произнесла:

– Я беременна.

Я наблюдала, как трое остальных перевели взгляды на меня. Все, кроме Оливии, теперь следили за моей реакцией.

– Поздравляю, – сказала я, не глядя на нее. – Это чудесно.

– Да. Восторг.

– Когда ожидаешь?

– В апреле. Двадцать третьего апреля.

– День рождения Шекспира. Можно расслабиться.

Конечно, она беременна. Я заставила себя сделать глубокий вдох. Я отодвинула все это в прошлое, намеренно перешагнула через это, но годы ежемесячных напрасных надежд, за которыми последовали инъекции и инвазивные исследования, счета за лечение, физические муки и моральное напряжение, фундаментально изменившее наши супружеские отношения, – все это мгновенно пронеслось у меня в голове.

Папа наклонился над столом.

– Ты не против, если я кое о чем спрошу? – начал он угрожающе-небрежным тоном. – Кто отец?

Оливия сердито стрельнула глазами в его сторону.

– Нет, я против. Я против того, чтобы ты спрашивал об отце, прежде чем поздравить меня или обрадуешься новости о том, что наконец-то у тебя будет внук. Да, я против, поэтому я тебе не отвечу.

– Какого хрена, Оливия!

Я замерла. Я ненавидела, когда папа бранится. Это всегда означало опасность.

– Сам какого хрена, – парировала моя сестра. – Тебе нужен внук, только если он поступит от чертовой святой Лары, не так ли? Ты не хочешь, чтобы мои второстепенные гены передавались потомству, да? Что ж, Лара не смогла сделать то, что требуется, и похоже, случайно это получилось у меня, поэтому ничего не поделаешь. Привыкай к этому. Все меняется.

Как ни странно, пока папа переводил дыхание, голос подала мама.

– Оливия, – сказала она, подаваясь вперед и заправляя прядь волос за ухо. Она так редко вступала в ссору, что я замерла. Мы все превратились в слух. – Это несправедливо по отношению к Ларе. Ты застала нас врасплох, только и всего. Дай нам, пожалуйста, несколько минут переварить услышанное.

Моя сестра рассмеялась:

– Еще бы! Конечно. Ведь речь идет о вас, ребята.

– Нет, – спокойно возразила мама. Никто не имел ни малейшего понятия о том, что творится у нее на уме, так что мы могли только наблюдать. – Речь, конечно, о тебе и, более того, речь о ребенке. И будет чудесно снова иметь в семье малыша.

Я осознала, что все, кроме Оливии, по-прежнему украдкой поглядывают на меня.

Я посмотрела на сестру, и она встретила мой взгляд с триумфом в глазах. Хотя я слышала, как она плакала (и теперь мне стало понятно почему), и хотя мне было очень хорошо известно, что этой беременности Оливия не планировала, в чем-то она меня победила. И упивалась своей победой.

Я хотела ребенка. Действительно хотела. Как бы ни стремилась я перешагнуть через эту неудачу, все остальное, кроме ребенка, – это лишь запасной план, и всегда им будет.

– Все нормально? – тихо спросил меня Леон.

– Нет, – ответила я. – Пойдем выпьем.

Он окинул взглядом стол.

– Конечно.

Я заставила себя сохранять спокойствие.

– Оливия, – произнесла я, – я рада за тебя. Правда рада. Поздравляю. Но сейчас я хочу пойти куда-нибудь выпить. Я также съеду с квартиры. Я уже давно собиралась это сделать, а тебе теперь понадобится больше места.

– Ладно, – пожала она плечами, будто то, на что я так долго себя настраивала, не представляло ничего особенного. Я отвела взгляд. Мне будет видаться ее самодовольная ухмылка независимо от того, ухмыляется она или нет.

– Лара, ты уверена? – уточнил папа. Я уже проверяла, поднявшись, при мне ли сумочка.

– Да.

– Я пойду с ней, Берти. – Рука Леона коротко сжала мое плечо.

– Спасибо, Леон, – кивнул папа.

Мама посмотрела на меня с бледной улыбкой и молча пригубила вино.

Мы вышли на Шарлотт-стрит, где в вечерних сумерках сновали люди. У каждого есть цель, на каждом наглухо застегнутое пальто или куртка и шарф. Тот нежный, теплый сентябрь, стоявший полтора месяца назад, когда я приступала к работе, перешел в бескомпромиссную зиму.

Уже почти стемнело, и светили уличные фонари. Хотя дождя нет, капли воды словно

висели в воздухе, увлажняя мои лицо и волосы.

– Сюда. – Леон увлек меня в паб – маленькое заведение, в котором народу много, но не слишком. Мы нашли небольшой столик в углу, и он заставил меня было сесть, а затем направился к бару, не спрашивая, чего я хочу.

Леон вернулся с четырьмя порциями: две маленькие порции одного напитка и две порции другого – прозрачного, в высоких стаканах.

– Сначала это, – сказал он, подталкивая мне янтарную жидкость.

Я задумалась, виски это или бренди. Сделав глоток, выдавила улыбку. Жидкость сразу согрела меня с головы до ног.

– Такие напитки – то, что надо, – произнесла я. – Все должны пить их больше. Такие горячие, что обжигают тебя изнутри. Как раз для зимы.

– Допей его.

Я посмотрела на Леона и сделала еще один глоток.

– Спасибо.

– Мне жаль, что мы редко виделись с тех пор, как ты перебралась сюда. Тебе было плохо жить у сестры, я знаю. Куда ты собираешься пойти? Ты всегда можешь поселиться у меня в свободной комнате, но я уверен, тебе захочется большей независимости.

– Спасибо. Есть одно место возле работы, что-то вроде корпоративного отеля. Я могла бы временно переехать туда, пока не найду более подходящее жилье.

– Отель? Лара, по-моему, для тебя это не лучший способ выплачивать домашние долги.

Я пожала плечами и отставила пустой стакан.

– Мне нужно немного пространства. Хотя бы на время. Я придумаю что-то более разумное через неделю-другую.

– А как идут дела в Корнуолле?

Я поймала себя на том, что и думать забыла про Сэма.

– О, все нормально.

Наши глаза встретились. Леон еще много лет назад отговаривал меня выходить за Сэма. Я постаралась дать ему понять, что он был прав и что я не хочу говорить об этом.

Я попробовала второй напиток.

– Водка с тоником, – пояснил Леон.

– Спасибо.

– Твоя сестра ядовита, но даже она не стала бы делать это нарочно.

– Я знаю. Знаю, что она не специально. Я слышала, как она плакала ночью, и ее приглушенные разговоры по телефону. Я понятия не имею, кто отец, потому что она не стала бы мне сообщать, есть ли у нее бойфренд. Возможно, это один высокий, мускулистый парень. Алан. Он показался мне симпатичным. Но я знаю, дело тут не во мне, дело в ней. Я не могу запрещать всем вокруг меня беременеть. Просто это...

– Я знаю. Это все еще болезненно для тебя.

– А знаешь? Ты прав. Я и не думала, что это так больно. Я недавно говорила себе, будто чувствую почти облегчение, что расстроен один только Сэм и что я счастлива двигаться дальше. – Одним глотком я выпила половину содержимого второго напитка. – Но все не так просто. И я действительно думаю, что это нарушило что-то между мной и Сэмом. Я просила тебя добыть мне эту работу, поскольку отчаянно хотела от него уехать. Просто отчаянно. О чем это говорит? Ни о чем хорошем. Между нами все кончено. Я знаю это, но не могу ему сказать, потому что он и понятия не имеет.

Леон поднял бровь, ожидая продолжения.

– И еще, – продолжила я, потому что Леон – единственный человек, которому я могла об этом сказать, – я в каком-то смысле встретила другого.

Я посмотрела ему в глаза.

– М-м, – кивнул он. – Это трудно, родная, но я не удивлен.

– О боже, Леон. Я не знаю, что делать. Мне нужно избегать его.

Мой крестный снова кивнул.

– Ситуация упростится, если ты будешь держаться от него подальше. Хочешь рассказать о нем?

Я подумала о Гае, о его теплых глазах, густых волосах, мускулистых руках и покачала головой.

– Нет, – сказала я. – От разговоров о нем только хуже. – Затем я поняла, о чем действительно хочу его спросить. – Леон, послушай. Ты единственный, кто знает о том, что я сделала. – Я спросила себя, стоит ли это называть, но не смогла позволить словам сорваться с губ. Леон и так все знает. – В Азии, – вот все, что я осмелилась добавить для уточнения. – Это звучит глупо, но иногда я думаю, что возмездие меня догоняет. Я знаю, что не отделаюсь от этого так легко. Я причинила зло страшным людям. Меня это ужасает.

Леон прищурился и смерил меня пристальным, серьезным взглядом.

– Что-нибудь случилось?

Я выдавила улыбку.

– Нет, я просто... я не ощущаю себя в безопасности. Мне кажется, что за мной следят. Я не знаю, что хуже: то, что за мной действительно следят, или то, что я схожу с ума и это себе придумываю. – Я посмотрела на Леона, и мне тотчас стало лучше. Я почувствовала себя немного глупо. – Мне это кажется?

Он подался вперед через стол.

– Думаю, да. Ты находишься в состоянии большого стресса, Лара, но не из-за прошлого. С теми делами давно покончено. Из-за настоящего. Из-за будущего. Ты не хочешь усыновлять ребенка, а Сэм хочет. Между вами неизбежно произойдет конфликт, и ты это знаешь. Тот новый мужчина, кем бы он ни был, просто отвлекающий фактор. Так же как и эти мысли о Таиланде. Хотя будь начеку. Если что-то действительно случится, ты должна действовать. Но, если честно, я думаю, ты стараешься придумывать другие кризисы, чтобы не смотреть в глаза кризису реальному.

Я вздохнула.

– Ты прав, – сказала я и заставила себя думать о настоящем вместо прошлого. – Знаю, что прав.

Я допила одним глотком остаток в бокале и попыталась придумать, как поделиться новостью Оливии с Сэмом.

Вечером в пятницу я желала лишь пить и разговаривать. Единственные люди, с которыми мне хотелось общаться, были Элен и Гай. Я прибыла на станцию рано, но поскольку в зале ожидания первого класса не подают алкоголь, поднялась на эскалаторе в паб на верхнем этаже вокзала.

Здесь пахло как в самом обычном пабе, и возникло ощущение как в самом обычном пабе. Я слегка удивилась, что можно находиться на вокзале, не ощущая этого. За столиком сидел мужчина, читая в таблоиде статью о раке; муж и жена с большими чемоданами расположились друг напротив друга, а на столе между ними лежал вскрытый пакет чипсов, перед мужчиной стояла пинта светлого пива, перед женщиной – полпинты. Никто не посмотрел на меня, пока я шла к бару. Усевшись на табурет, я заказала водку с тоником у неправдоподобно молодого светловолосого бармена с постугревыми рубцами на лице.

Я опрокинула в себя водку, не разговаривая и даже не думая. Затем заказала вторую порцию.

Ночь после признания Оливии я провела в ее каморке, постаравшись избежать встречи с ней утром и упаковав достаточно вещей, чтобы хватило до тех пор, пока я не смогу заставить себя вернуться и забрать остальное. Прошлую ночь я провела в отеле бизнес-класса, вполне приемлемом, хотя совершенно непрактичном в финансовом отношении.

Все равно это лучше, чем отправиться в то место, на котором настаивает мой отец и которое он называет домом, и жить с родителями, и ездить оттуда каждый день в Лондон.

– Ну же, Лара, – сказал он по телефону в тот вечер. – Это твой дом. И всегда им будет. Позволь нам позаботиться о тебе.

– Не могу, папа, – отозвалась я. Я была с ним так тверда, как никогда не отваживалась. – Я живу в Лондоне, чтобы избежать поездок. Мне нужно быть рядом с работой, чтобы я могла полностью посвящать себя ей в течение недели. Честное слово. Мне приходится засиживаться допоздна, приходить рано. Но все равно спасибо. Я найду себе маленькую студию или еще что-нибудь.

– Твоя сестра... – задумчиво произнес отец, и я напряглась, отчаянно желая его остановить.

– С ней все в порядке, – быстро проговорила я. – Это не ее вина. Я рада за нее, правда рада. Мне просто надо побыть вдалеке от нее некоторое время.

– С ней не все в порядке, – поправил меня отец. – Она не имела права быть такой жестокой. Так ты уверена, что не хочешь? Твое присутствие в доме необычайно оживило бы его, и, признаться, мне бы пригодились твои здравые советы по некоторым вопросам.

Я изо всех сил постаралась, чтобы мой голос прозвучал нейтрально, в то время как сердце сжалось в благоговейном страхе.

– Мы можем встретиться в любое удобное для тебя время, чтобы обсудить такие вопросы, – сказала я, надеясь всей душой, что папа не станет этого делать. – У нас не отведено времени на обеденный перерыв, но мы можем встретиться как-нибудь после работы. Хотя мне надо держаться поближе к офису.

К моему огромному облегчению, папа отступил. Теперь я старалась держаться как можно дальше от всех членов моей нездоровой семьи.

Только сидя в поезде с традиционным пятничным джин-тоникум в руке, я немного расслабилась. Рядом со мной расположилась Элен, напротив – Гай. Я откинулась в кресле, слушая историю Элен о своем разговоре по скайпу с Сингапуром, и с облегчением выдохнула, отбрасывая туфли.

Когда рассказ закончился, я рассмеялась.

– Как ты, Лара? – поинтересовался Гай. Подняв глаза, я увидела, что он наблюдает за мной с некоторым любопытством. Мысленно я воздвигала защитный барьер, стараясь держать между нами дистанцию.

– О, прекрасно, – ответила я. – Просто немного... напряжена.

– Из-за сестры? – уточнила Элен.

– Нет. То есть да. Да. Была трудная неделя. Большая семейная разборка. Мне не хочется говорить об этом. – Я взглянула на нее и улыбнулась. – Не потому, что для меня это такая травмирующая тема, а просто она меня, на хрен, задолбала.

Я редко употребляю бранные выражения. И мне понравилось, как это получилось сейчас. Я сделала еще глоток из своего стакана.

– Тогда давай поговорим о чем-нибудь другом, – тотчас предложил Гай. – Хочешь выслушать свежую сводку моих событий?

– О да, пожалуйста. – Я слегка наклонилась в его сторону. – Что у тебя за события?

– Дай угадаю, – сказала Элен слегка суховато. – Подвернулась работа в Уэст-Кантри<sup>[28]</sup>.

Гай рассмеялся, и в уголках его глаз появились морщинки. Мне они понравились.

– Мы с тобой так давно вместе путешествуем, – заметил он, и Элен подняла в его сторону стакан. Гай повернулся ко мне. – Да, в самом деле. Ты знаешь, что я с семьей живу неподалеку от Пензанса? За Пензансом, возле Сеннана<sup>[29]</sup>, на самом краю суши?

– Ты переехал туда, чтобы быть поближе к семье твоей жены.

– Верно. Отец Дианы скорострительно скончался три года назад, и в результате мы переехали, чтобы Ди могла ухаживать за своей матерью, которая хрупка и слаба в одном отношении, но сильнее упряжки волов в другом. Дети тогда были в младших классах средней школы, так что они подняли страшный шум по поводу переезда, и, по правде сказать, я молчаливо их поддерживал. Поменять Суррей на Корнуолл – это серьезно, когда тебе тринадцать лет. Да и в любом возрасте. Но мы должны были переехать, я это понимал. Бедная старушка Бетти была не в состоянии сама о себе позаботиться и определенно не собиралась перебираться ближе к Лондону, поэтому нам пришлось переехать к ней. Ди всегда говорила, что это ее расплата за счастливое детство, и, возможно, так оно и есть. На самом деле Ди обрадовалась возможности вернуться в родные места.

– Но там не так-то просто найти работу.

Гай кивнул:

– Вот именно, Лара. Для меня там нет ничего. Мне буквально пришлось бы идти на работу в «Теско», «Макдоналдс» или «Аргос»<sup>[30]</sup>. Так что мы сошлись на том, что я буду ездить в Лондон и подыскивать себе что-нибудь поближе к дому. Мне нравится моя нынешняя жизнь. Я бы свихнулся, если бы мне пришлось все время жить в Западном Корнуолле. В доме, полном подростков – у меня их только двое, но они заполняют весь дом, – да еще с тещей и ее склонностью к непрерывным перестановкам. Так что я с радостью вошел в этот режим. На неделе я один, в задрипанном гостиничном номере типа «постель и завтрак», но меня это устраивает. А сейчас наклеивается одна паршивая

работенка в Труро. В Труро! С каких это пор в Труро можно найти хорошую работу?

– Что это за работа? – мягко спросила Элен. Она заметила мой взгляд и весело подмигнула.

– Адвокатская контора с большой практикой. Потребуется купить долю капитала в предприятии и войти в качестве партнера.

– О, Гай. Ты идеально подойдешь для этой работы.

– Я знаю! Придется делать вид, что я прикладываю усилия. Затем постараться провалить дело. Еще по одной, дамы?

В час ночи Элен встала.

– Все, – произнесла она. – Хорошо сидим, но мне пора спать. У меня впереди напряженный уик-энд. Увидимся в воскресенье, ребята.

– Спокойной ночи, Элен, – пожелала я ей.

– Спокойной ночи, Джонсон, – добавил Гай. – Мы скоро подтянемся.

– Мне тоже через минуту надо быть в постели, – проговорила я. – Мы будем в Труро через шесть часов.

– Шесть часов! На самом деле это удивительно много, – задумчиво сказал Гай. – Я думаю, мы можем задержаться немного дольше. Знаю! Я же собирался показать тебе, как пользоваться «Твиттером». Какой у тебя электронный адрес?

Я посмеялась над этой жалкой отговоркой. Гай начал возиться со своим телефоном, и я сообщила ему адрес своей электронной почты. Вскоре он вручил телефон мне.

– Вот видишь. Это твой аккаунт в «Твиттере». Давай, напиши что-нибудь. Твой пароль «прекраснаялара».

– О, спасибо. Пароль высшей пробы.

– Знаю. Если бы я был трезвым, ты получила бы лучший.

Я тыкалась в его телефоне, пока наконец не написала: «Пытаюсь научиться пользоваться «Твиттером» – и передала его обратно Гаю.

– Один пункт можно вычеркнуть из списка, – сообщила я. – Я написала свой первый и определенно последний твит. Вот с этим моя сестра тоже справляется лучше меня, но, по крайней мере, я старалась. Теперь я иду спать.

Я подумала о Сэме, о том, как он там, дома, отчаянно ждет моего возвращения, вкладывая всю душу в ожидание счастливых выходных. Если я посплю шесть часов, то буду завтра в приемлемом состоянии. Я соглашусь на все, что он запланировал, и сумею сделать это как следует.

Я уже собралась встать, как вдруг заметила, что моя нога под столом уже давно прижимается к ноге Гая, и не решилась отстраниться.

– Итак, – услышала я свой спокойный голос. Бар открыт всю ночь, но в данный момент под его яркими огнями не осталось никого, кроме нас. Все изменилось.

– Лара, – произнес Гай. Он открыл рот, чтобы что-то добавить, но передумал.

– Да.

– Это...

– Я знаю. – На самом деле я, конечно, не знала. Я понятия не имела, хочет ли он сказать: «Это опасно» – или: «Это неожиданно, дико, сумасбродно, но это интригует и возбуждает». Одно со знаком плюс, другое со знаком минус.

Между нами повисло напряжение. Гай подался вперед и взял меня за руку. Его рука



была теплая, кожа – сухая. Я перевела взгляд на обе наших руки, переплетенные вместе. Они не должны быть вместе, но вместе они смотрелись правильно. Мы сплели свои правые руки так, что обручальные кольца не участвовали в этой немой сцене.

– Могу я перейти на твою сторону стола? – спросил он.

Я посмотрела в его темные глаза и увидела одну только сердечность.

– Да, – прошептала я, и он выскользнул из своего кресла.

Гай сел рядом со мной, положив руку на мою талию. Я повернулась к нему, помимо своего желания, и, запрокинув лицо, встретила с ним губами.

Возникает странное чувство во время поцелуя с мужчиной, который не является твоим мужем. Только одного человека на свете мне было позволительно вот так целовать, и тот факт, что это не он, вызвал у меня сильное волнение. Мне так отчаянно захотелось как можно больше попробовать в эти секунды, пока нас не нагнала реальность, что каждый нерв в моем теле затрепетал.

Губы Гая принесли мне новые ощущения. Они оказались мягкими, а язык нежно исследовал мой рот. Я совершаю что-то прекрасное и абсолютно запретное. Прошло много лет с тех пор, как я делала нечто абсолютно недозволенное. Моя долго спавшая темная сторона радостно вышла на поверхность и возликовала, тем временем как руки Гая переместилась с моей талии вверх. Его рука остановилась у меня на груди, затем проникла под блузку и стала нащупывать путь внутрь лифчика.

[Купить полную версию книги](#)

---

---

notes
-------

Примечания

Административный центр графства Корнуолл на юго-западе Великобритании с населением двадцать с небольшим тысяч человек. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Деревня в графстве Корнуолл, на юго-западе Англии.

Итальянское игристое вино.

Сеть супермаркетов в Великобритании, торгующая продуктами питания, одеждой и другими разнообразными товарами.

Маленький городок напротив Фалмута, на полуострове Роузленд, на южном побережье Корнуолла.

Деревня в Корнуолле.



Район жилой застройки в бедной части южного Лондона.

Сеть вечерних или ночных магазинов, торгующих самыми необходимыми товарами, в основном продуктами.

Графства в Англии.

Район в юго-западном Лондоне.

Район в центре Лондона.

Получение наличных в магазине при оплате товара дебетовой карточкой – компенсационная скидка с цены покупки.

Улица в Вестминстере, в центре Лондона.

Переносные часы в квадратном футляре с ручкой наверху.



Распродажа вещей домашнего обихода прямо из багажника автомобиля (в парке или на пустыре).

Британский музыкант, автор песен. Благодаря работе в группе «Pulp» стал одной из ключевых фигур брит-попа в середине девяностых.

Американское сериальное телешоу.

Феррибоут – паром (*англ.*).

Французский канатоходец, снискавший славу в 1974 г., когда прошел по канату, натянутому между Башнями-близнецами в Нью-Йорке.

Портовый город на крайнем юго-западе полуострова Корнуолл.

Деревня в Корнуолле.

Городок в Корнуолле, к северо-западу от Фалмута.



Район в центральном Лондоне, возле Уэст-Энда.

Сорт итальянского пива.

Большой пригород Лондона.

Период, охватывающий правление короля Эдуарда VII (1901–1910). Эдвардианская архитектура обычно характеризуется меньшей изощренностью и пышностью, чем предшествовавшая ей викторианская.

Блюдо итальянской кухни, представляющее собой салат из маринованных овощей.

Неофициальное название области на юго-западе Англии, приблизительно соответствующей современному региону Юго-Западная Англия.

Прибрежная деревня в Корнуолле, в 13 км к юго-западу от Пензанса.

«Теско», «Аргос» – крупные британские розничные сети.